

Григорий БЕНЕВИЧ

Григорий Беневи́ч родился (1956) и живет в Санкт-Петербурге. Преподавал в Высшей религиозно-философской школе и Русской христианской гуманитарной академии, занимался патрологией и изданием византийских христианских авторов. В советское время был членом Клуба-81, публиковался в неофициальных журналах – «Часы», «Обводный канал», «Предлог». Статьи и стихи печатались в журналах «НЛО», «Новый мир», «Звезда», «Волга», «Нева», Prosodia и др. Автор двух монографий: «Мать Мария (1891–1945). Духовная биография и творчество» (2003) и «Краткая история “промысла” от Платона до Максима Исповедника» (2011) и более ста статей в области литературоведения, культурологии, философии, патрологии, а также сборника стихов «Дважды двенадцать» (2025)

СТРАНИЦЫ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ

Памяти моих родителей¹

Я обращаюсь к прошлому своей семьи и своих предков не из праздного любопытства и не как историк, но чтобы хотя бы что-то понять и в своей собственной истории, и в преломленной в жизни нашей семьи истории России.

Записи носят случайный характер. Могут быть повторения и даже разночтения. Некоторые отрывки слегка беллетризованы. Первая часть записей сделана еще при папиной жизни.

Часть 1

Рифмы судьбы

Первые 25 лет моей жизни прошли в Питере, на Фонтанке (дом 129), и почти каждый день я проходил мимо соседнего дома, по Фонтанке, 131, украшенного (на выходящей на Б. Подъяческую парадной) юношами в римском стиле, один из них был почему-то с магендовидом, «обжигавшим» некогда мое сознание тайным знаком, имевшим непонятный тогда для меня смысл, но как-то относившимся ко мне. Спросить было особо некого – в советское время еврейская тема в нашей семье была почти табу, а иудейская и вовсе отсутствовала. А может, мне просто больше нравилось, чтобы эта тайна оставалась тайной. Но вот на днях узнал случайно, что это место было связано с историей нашей семьи еще до того, как мы стали жить на Фонтанке, – папа рассказал. Папин дедушка по материнской линии, оказавшись в 20-е гг. в Ленинграде, точнее, в Гатчине, нередко приезжал в Ленинград в одну артель, где ему давали задание – он делал дома на особой машинке наконечники для шнурков, чем и жил. До революции-то он был состоятельным человеком, служил чем-то вроде эконома в поместье одного немца на Юге России, а после революции пришлось, вот, наконечники для шнурков прилаживать. Артель его размещалась не так далеко от этого места, т.е. Фонтанки, 131, а сюда он ходил, будучи человеком верующим, в домашнюю еврейскую синагогу (на самом деле это был молельный дом – Г.Б.). Сам-то дом принадлежал когда-то купцам второй гильдии, Марголиным, как я теперь выяснил. Когда именно здесь появилась молельня, не знаю, но юноша с магендовидом, вероятно, как-то с нею связан. Вторая рифма судьбы состоит в

¹ Беневи́ча Исаака Бенционовича (17 сентября 1925 г. – 19 января 2024 г.) и Богора́д Инны Натановна (23 апреля 1931 г. – 9 декабря 2024 г.).

том, что дом этот был в своем нынешнем виде построен архитектором Лишневым, воспетым мною в «Поэме о гастарбайтерах» (опубликована в НЛО) в связи с совсем другим домом – на Петроградской стороне, мимо которого я нынче почти каждый день прохожу.

13 мая 2016

Рифмы судьбы – 2

Я знаю, что ассоциации и совпадения – наиболее примитивная форма мысли. Но, оговорив это, перехожу к делу. Ожидая моего рождения, папа с мамой жили Фонтанке, недалеко от угла с проспектом Майорова (бывш. Вознесенским, и ныне снова Вознесенским). Ну, так вот, уже будучи сильно беременной, мамочка прогуливалась с папочкой около Филипповской булочной на углу Вознесенского и Садовой. И ровнехонько в этом месте маму напугал какой-то пролетарий, выскочивший откуда ни возьмись и гаркнувший на нее. От этого маминого испуга наутро я и родился. А в чем рифма судьбы-то? А в том, что про этот самый угол некогда в «Шуме времени» написал Мандельштам: «На углу Вознесенского мелькнул сам ротмистр Кржижановский с нафабранными усами». Это к нему подбежал Парнок, бежавший по Садовой.

И что? А ничего. Просто сегодня мы справляли мой день рождения у родителей, переехавших после Фонтанки на ул. Кржижановского, в Веселом поселке. Да, Кржижановский не тот. Но какое совпадение!

27 авг. 2016 г.

«Наши» в Персии (о папином отце)

Когда стали в Сети доступны сведения об участниках Первой мировой войны, я поглядел, что там написано про моего деда, Бенциона. К своему удивлению, нашел, что он лежал в госпитале в Тифлисе. Причем тут Первая мировая война? Расспросил батю, и он раскололся на интереснейший рассказ: вспомнил, с чего это во время Первой мировой лечился дед в Тифлисе в больнице. Оказывается, он вместе с 3-м сводным Кубанским (Ейским) казачьим полком, где был военврачом, участвовал в военных действиях в Персидской кампании. В 1915 году германо-турецкое командование вело наступление в Северной Персии с целью выхода на территорию Иранского Азербайджана и Афганистан. После того как турко-немцы захватили Тебриз, российское командование решило отбить его, послав 4-й Кавказский корпус. Он состоял в основном из казачьей конницы. Вот, вместе с этими самыми казаками, вероятно, Бенцион Исаакович и оказался в Персии. Там он, как вспомнил батя, среди прочих подвигов спас и какого-то местного большого вельможу, чуть ли не наместника шаха в Тебризе, от мучившего его фурункула с помощью такого простого средства, как медовый компресс. Видать, медицина по Авиценне этого средства не знала или знала, но забыла. По крайней мере, местные врачи вылечить его не смогли, а дед справился. Но вскоре заболел сам и был отправлен в Тифлис на лечение, там его и выходили. Хорошо, что дед поучаствовал в спасении русскими войсками армян от геноцида – одна из задач, решавшихся русской армией вместе с армянами-добровольцами. Еще сообразил, что кубанские казаки, которых лечил дед, – те самые, из которых был Данила Ермолаевич Скобцов, муж Е.Ю. Скобцовой, м. Марии, о ком я написал книжку, да и сама она была тесно связана с ними. Вот какие пасьянсы.

Но как это дед, со своим еврейским происхождением, оказался в казачьих частях? Выяснилось, что был такой приказ, ну или распоряжение, чтобы евреев-врачей приписывать к частям, в которых они, потенциальные леваки и революционеры в глазах властей, не могли бы вести революционной пропаганды. Надо сказать, что, когда началась Гражданская война, и Кубанский казачий полк всем составом должен был принять в ней

участие, т.е. отправиться на фронт уже новой войны, офицеры, сослуживцы деда из казаков, предупредили его об этом в том духе, что, мол, тебе Бенцион, наверное, будет неудобно против «своих» воевать, так что езжай-ка ты домой, что дед и сделал. Предупредил его нач. штаба, бывший его другом. Он выписал деду командировку, чтобы тот мог ехать и не участвовать в этой братоубийственной войне. Дед приехал на вокзал, а там большевики уже офицеров расстреливали... Дед в укромном углу сорвал свои погоны и, спрятавшись в товарном вагоне, поехал домой. По дороге заболел тифом в товаряке. Сам с трудом выжил, но привез тиф домой, в свою станицу Березовка, под Николаевым и Одессой. От этого тифа заболела его мама, и умерла, бедная. А он выжил. Фотографию, где он в офицерской форме и с саблей в казачьей части, его сестра, тетя Маня, потом сожгла, в 30-е годы, чтоб его не репрессировали как бывшего царского офицера. Когда его **вы**ходили, как раз те места заняла армия Котовского, и его, едва пришедшего в себя, привлекли организовывать госпиталь. Так вот произошел у него переход от участия в Первой мировой к участию в Гражданской. Коммунистом он никогда при этом не был, а был человеком, далеким от политики, как я понимаю. Иудейской веры он придерживался до конца дней. Но без фанатизма. Праздники отмечал, но сало ел. Тору читал на иврите, а доклады по медицине, пока было кому слушать, делал на латыни, чему научился в Лейпцигском университете.

2-3 августа 2017

Неожиданные пересечения (еще о деде)

Тот момент, когда осознаешь, что герой известного немецкого романа, «забросивший Св. Писание» (т.е. богословский факультет в Галле), «чтобы броситься в объятия музыки», начал учиться в Лейпцигском университете и описал в письме другу великолепный 700-тысячный Лейпциг, примерно в то время (ну, чуток раньше), когда в тот же университет приехал учиться из южной губернии Российской империи, оставив «родимый омут», юный Бенцион Беневич. Их жизнь была совсем разной, как и их прошлое. Деду приходилось, чтобы выжить и платить за свое образование, работать помощником кузнеца, Адриан Леверкюн таких забот не знал. Но Лейпциг, с его университетом и знаменитой ярмаркой, город, в котором казалось, «что мировой пульс бьется в твоём теле», стал местом встречи тех, кто готов был броситься в объятия европейской культуры (ее науки и искусства), предпочтя ее всему остальному. Первая мировая война, русский коммунизм и немецкий нацизм маячили в исторической перспективе так славно начинавшегося XX в. Являлся ли деду черт в кузне, семейное предание не знает. Ульянова дед пару раз в Германии слушал, но медицины ради революции не оставил.

22 декабря 2017

Лишневские и мы (или снова рифмы судьбы)

Я уже поминал имя архитектора А.Л. Лишневого; построенные им дома оказались прямо или косвенно вплетены в историю нашей семьи. Судите сами. Свожу все вместе. Мама родилась и прожила первые 6-7 лет на Петроградской стороне на углу Малого и Ленина, прямо напротив доходного дома И.Ф. Алюшинского, построенного Лишневым в 1907–1908 гг. (вспет в стихах Зоей Эзрохи!). Потом, в 1936-1937 гг. они переехали на Фонтанку, д. 129, рядом с которым, по адресу Фонтанка, 131 стоит дом купцов Марголиных, построенный (точнее, перестроенный) Лишневым (в 1914). В этом доме, как я писал, размещался еврейская молельня, посещаемая в оны годы моим прадедом, дедушкой моего папы, который запомнил, как мальчишкой сопровождал его (папа с мамой тогда, конечно, еще знакомы не были, но после свадьбы они жили на Фонтанке, и здесь же жил до 25 лет и я). Да, после переезда на Фонтанку мама начала

ходить в школу, которая размещалась в самом знаменитом из домов, построенных Лишневым – Дом городских учреждений (постройка 1904–1906 гг.), на углу Вознесенского и Садовой. Если иметь в виду, что Лишневский до революции построил в СПб примерно 20 домов, то совокупность этих совпадений выглядит, на мой взгляд, аномально замечательной! И в общем, я рад, что, не зная всего этого (по некогда совершенному равнодушию к краеведению, в т.ч. семейному), помянул добрым словом Лишневого в «Поэме о гастарбайтерах» (2014 г.) в связи с доходным домом Б.Я. Купермана, построенным Лишневым в 1911–1913 гг. по адресу ул. Плуталова, д. 2.

Жизнь и творчество Лишневого – яркий пример судьбы эмансипировавшихся в русской культуре евреев. Ну, и наша семья в этом процессе посылно приняла участие. Так что такое случайно-неслучайное соседство нас с ним вполне можно считать символом общей в культурном отношении судьбы.

18 апр. 2018 г.

Мама маленькая, ее бабушка и «капарот»

Мама вспомнила, как ее бабушка (пока была жива, а значит, почти до самого моего рождения в 1956 г.) крутила (на Йом-Кипур, но это она как раз прочно забыла) над ее головой курицу и даже – с подсказкой одного лирико-этнографического фильма – вспомнила слово «капарот» (в написании специалиста по иудаике Валерия Дымшица – капорес). Ну вот, а мне до сих пор казалось, что никакого соприкосновения с религией предков мама (1931 г.р.) уже не имела. Интересно, кому в советском Ленинграде доставалась сама курица? Соприкосновение же с религией у нее, как выяснилось, было, и не только через этот обряд, – по субботам и по праздникам до самой смерти своей бабушки Сони (по паспорту Ревекки!), она сопровождала ее в синагогу, ждала ее там, пока она была на службе, и потом отводила домой. Жили они (как потом и я) на углу Фонтанки и Б. Подъяческой, так что до синагоги на Лермонтовском, 2 было и не так уж далеко, но и не так уж близко, чтобы отпускать старушку одну. Когда приходилось по немоции ехать пару остановок на трамвае, в мамину обязанность входило еще платить за билет, чтобы ее бабушка не нарушала субботы. Та, в свою очередь, принимала деятельное участие в воспитании внучки (мама-то ее работала). Она учила мою маму кулинарии и давала ей уроки нравственности. В частности, внушила ей не целоваться с мальчиками, так как от этого можно забеременеть.

Что еще? У прабабушки Сони было (выживших) четверо сыновей и одна дочка – моя бабушка. Замуж ее выдали в 13 лет, когда проезжавший на подводе мимо их дома в местечке недалеко от Витебска молодой человек увидел ее стоящей у изгороди, и на следующий день заслал сватов. Все братья переехали в Петроград в 17–20-е гг. (вслед за первыми, поступившими в Университет), были дружны и часто встречались в доме своей мамы, жившей с единственной дочкой.

Еще через десять дней в маминой памяти всплыла подробность – крутить курицу над головой в Йом-Кипур можно было, если в этот день не было месячных, о чем бабушка специально у внучки узнавала, а той врезалась эта подробность в память.

Что за обряд такой, этот капорес, пытливые сами смогут узнать. Нечто вроде замены жертвоприношения (далеко не все иудеи его признавали и признают, но ортодоксальной среде он, говорят, сохранился).

Январь 2018

О живших до нас

Одна подробность семейной истории (мама рассказала). В комнатах, в которых мы жили на Фонтанке, 129, до нас жила семья, кого-то из членов которой (не знаю, кого именно) в 37 г. репрессировали, а оставшиеся на свободе, разбросанные по всему городу,

срочно съезжались. В процессе этих переездов наша семья (мама с сестрой и родителями) как раз в 37-м вселились в эти самые комнаты, в одной из которых я прожил первые 25 лет своей жизни. Среди расстрелянных людей с такой фамилией (Дубинкер) я никого что-то найти не смог... А про других репрессированных вроде и не узнать... Бог весть, кто были эти Дубинкеры, и что с ними случилось... От той семьи нам осталась, оказывается, большая напольная ваза и картина. Вот, теперь живи с этим. У кого-то недавно читал, что разделение между детьми репрессированных и их палачей и стукачей проходит до сих пор... Палачей и стукачей у нас в семье вроде бы не было, да и называли меня (в том числе) в честь папиного дяди, который был начальником шахты на Донбассе и был расстрелян в 37. Однако ж, жили мы на месте тех, кто сам был репрессирован, воспользовавшись, можно сказать, тяжелым моментом в их жизни... Не так все просто, и никакой тут четкой границы не провести. Я уж не говорю о том, что и эти Дубинкеры, и мои предки оказались в Ленинграде, скорее всего, после вынужденного бегства сами знаете кого... Ротации, так сказать, элит...

16 ноября 2018 г.

Дополнение 2024 г. к предыдущей записи

Только сейчас к своему позору узнал, что проект «Последний адрес» в Питере начал осуществляться в 2015 г. с дома по Фонтанке, 129 (видеорассказ об этом можно найти в Сети). Это тот самый дом, в котором я прожил первые 25-26 лет своей жизни! Можете представить, как я потрясен этим открытием. Жаль, папе уже не расскажешь. Но есть еще кто-то родной, кому успею рассказать. Там пока установлены пять табличек, но Дубинкеров среди них нет. Не нашел я этой фамилии и на сайте Мемориала* (*признанного иноагентом). Но вот такая память в семье сохранилась. Так что снова по случаю об этом пишу. Пока я жил и рос в этой квартире, ничего об этом не знал; молчали мои родные (можно понять: не принято было о таких вещах рассказывать среди на всю жизнь напуганных советских людей). Но хорошо хоть сейчас это все вспомнилось, не кануло в Лету.

22 февраля 2024

Дорогие детали (из семейных воспоминаний о войне и блокаде)

В истории дома в Гатчине, где жила папина семья (с середины 20-х гг.), отразилась в сжатом виде история страны. Дом этот был на ул. Карла Маркса, до революции она называлась Багговутовской в честь Карла Багговута – коменданта Гатчины, первого почётного гражданина города (переименована в честь другого Карла в 1922-м). Дом, в котором потом жила папина семья, был прежде домом морского духовенства. А во время войны в этом доме, как папа потом узнал, размещалось гестапо. Улица шла до самого Варшавского вокзала. Когда началась эвакуация, и вокзал уже стали бомбить, папа (ему было 16, и он только что кончил 8-й класс) со своей мамой и сестрами ждал отправления эшелона на вокзале. Тут его маме пришла в голову мысль послать сына проверить, заперла ли она дом! И он побежал – благо по прямой! Дом оказался заперт (потом, разумеется, из него все пропало, и они туда уже никогда не вернулись). По дороге обратно на вокзал папа видел, как какой-то военный пытался из пистолета стрелять по немецкому бомбардировщику! На эшелон он успел, и через Ярославль (до него на поезде) они попали на барже в Башкирию, откуда уже его призвали в армию. Дедушка, его отец Бенцион Исаакович, сам приехал в Гатчину на машине за тестем и тещей, они считали, что немцы – культурный народ, и уезжать не нужно. Он сумел их увести в город и поддерживал из своего пайка, но потом сам свалился от перенапряжения – он был хирургом на Пулковских высотах, и от непрерывных операций сам не выдержал, слег. За это время они

умерли от истощения. Сам дедушка выжил, похоронил тещу, но был так слаб, что не запомнил где, потом так и не нашли этого места.

В то, что немцы культурный народ и нечего беспокоиться, верил еще мой дед (по маме), и только по настоянию его неграмотной тещи Сони семья была эвакуирована. Она-то и спасла семью (о чем-то я уже писал). Сам дедушка (мамин папа) всю блокаду был в Ленинграде, умер бы от истощения, если бы не друг, который спас его, отправив умирающего в госпиталь, где тот потом был оставлен инженером. В его комнату при госпитале в начале 1944 г. и вернулась мама с сестрой и бабушкой из эвакуации. Вернуться в 44 г. было очень сложно, т.к. в город тогда никого еще не пускали, но бабушка завербовалась рабочей на кирпичный завод, и так смогла приехать сама с детьми к мужу. Было страшно, т.к. все время происходили облавы на тех, кто вернулся в город незаконно, и маме приходилось от этих облав все время прятаться. Когда же режим стал менее жестким, мама пошла в школу. Училась она с великовозрастными выжившими, из которых немало было «блатных», вроде работниц булочных и прочих хлебных мест. В памяти осталось, как она по неосторожности повесила свое пальто на место, где должна была висеть шуба одной из таких дам. Едва удалось избежать побоев – отделалась бранью с ее стороны. Заступились неблатные блокадницы.

27 янв. 2019 г.

Еще папа вспомнил такой эпизод. На Пулковских высотах, когда его отец был с начала войны главным врачом и хирургом в полевом госпитале, раненых привозил с передовой на повозке возница. Наконец, он выбился из сил и отказался делать очередную езду, тогда дед загнал патрон в ствол винтовки и навел ее на него... только так удалось заставить совсем обессиленного человека снова отправиться за ранеными... Дед (ему было уже хорошо за 50) сам в конце концов обессилен от постоянных операций, и его увезли в госпиталь в тыл совершенно изможденного. Потом его выходили, и он встал в строй... Когда кончилась война, и ему предложили остаться в армии с перспективой полковничьего, а потом и генеральского звания, он отказался. Хватило – Первая мировая, Гражданская, Отечественная, наконец, – военные действия на Дальнем Востоке, против Японии. Более того, из хирургии он тоже ушел, остаток жизни помогал рождению новых людей (как заведующий гинекологическим отделением Гатчинской больницы).

27 января 2020

Ордена

Еще один семейный мемуар о войнах и наградах. Папа раскололся, прочтя наградное представление на деда. Орден Красной звезды, которым был награжден дед, как папа говорит, пропал то ли по небрежности, то ли по небрежению папиной сестры, моей тети, которая говорила, что, мол, это что по сравнению с тем, как деда наградили при царе в Первую мировую – Владимиром с бантами за героизм на фронте и спасение раненых. «Владимира», правда, дедова сестра, папина тетя в 30-е сдала в Торгсин, боясь такую вещь оставлять дома, да и деньги лишними не были. Не успел из-за революции дед получить и почетное гражданство (евреям его давали вместе с орденом Владимира вместо дворянства). Так обе награды – Владимир и Звезда – и пропали. Не знаю уж, что тут правда, что нет, но таково семейное предание. Подтверждения ему в личном деле деда я не нашел, но папин рассказ привожу.

11 мая 2015 г.

Часть 2

В эту часть вошли тексты, написанные уже после папиной смерти 19 января 2024-го. При этом я частично использовал свою не публиковавшуюся мемуарную прозу 2007 г.

Семейная тайна

После папиной кончины можно рассказать и историю, в результате которой он появился на свет. Которой, следовательно, обязан и я своим существованием. Его мама, Анна Резникова (1895–1954) познакомилась то ли в Елисаветграде (ныне Кропивницкий, Украина), то ли в Березовке (город, ныне в Одесской обл.) (последнее – более вероятно) с его папой Бенцином Беневичем (1888–1959) в 1924 г., будучи уже в интересном положении. Более того, она пришла к нему на прием (он тогда работал врачом гинекологом), но сидела в приемной врача и плакала. Бенцион расспросил ее о причинах слез, и узнал, что муж бросил ее, оставив в таком положении. Ну и... Бенцион, видно, сильно полюбил-пожалел ее (ведь только по любви можно, тем более человеку с некоторыми религиозными предрассудками – дед был верующим иудеем, взять девушку в таком положении). Вскоре (в 1924 г.) родилась папина старшая сестра, Елена (она, кстати, единственная в семье, вслед за родителями, тоже стала врачом), но и папино рождение (17 сентября 1925 г.) не заставило себя ждать. От тети Лены очень долго скрывали тайну ее рождения (папа, кажется, в эту тайну был посвящен, но хранил ее). И лишь в весьма зрелом возрасте, уже сильно после смерти папиных родителей, она ее узнала (случайно, разбирая старые письма и документы) и даже разыскала своего настоящего отца, крупного инженера (прожившего свою непростую жизнь, включая сталинские лагеря), попыталась сблизиться с ним, но ничего путного из этого не вышло (родная дочь, известная писательница и правозащитница, особенно по еврейской части, Алла Гербер, по слухам заподозрила, что тетя Лена все это делает ради наследства, чего не было в помине, и отшила ее). Я тоже всю эту историю узнал не так давно (и конечно, уже после смерти тети Лены, в 2002 г.). Как бы то ни было, папа очень любил и свою старшую сестру, и свою младшую, Таню, которая умерла в 19 лет от чахотки (скупал по ней всю жизнь, ее портрет всегда висел в его комнате). Первый сборник настоящей поэзии XX в. (Цветаеву), а не той советской, что мне попадалась до того, мне подарила на 16-летие тетя Лена. (Помню, как я в выпускном классе оттуда читал «Вот опять окно...», следя за произведенным впечатлением нравившейся мне девочки на 5-минутках поэзии, с которых открывались у нас уроки литературы). А папа, получается, был первенцем большой любви.

Я, кстати, не исключаю, что одним из мотивов переезда молодой четы из Березовки в Троцк (Гатчину) было желание распрощаться с той средой, где про первый несчастный брак Анны Резниковой все знали.

29 февр. 2024; 05.06.2024

В Троцке-Гатчине и про «ротацию элит»

Для меня обращение к семейной истории сейчас не только способ почтить своих предков, достоинств которых во мне нет, но и возможность еще раз прикоснуться к истории страны в XX в., истории, в которой не только факты легко забываются, но которой и правильные оценки дать так трудно.

Вот, в Сети обретается фото, где папины родители среди других врачей, работавших в только что созданном в Гатчине (на тот момент Троцке, куда в 1925 или 1926 г. переселилась с Украины (из Елисаветграда или Березовки) чета Беневича-Резниковой), врачей, работавших в Доме санитарного просвещения.

Фотография эта – часть статьи, написанной хоть и в наше время, но, прямо скажем, с «советских позиций»², замазывающей ту трагедию, которая имела место в Гатчине-

² <https://kraeved-gatchina.de/ocherki/istoriya-mediciny-v-gatchine/dom-sanitarnogo-prosveshcheniya/?fbclid=IwZXh0bgNhZW0CMTAAR3Ih0FA5L9ZSlq6VE1NQdRWTZX2i9e3ltHZjzKFHiHbid>

Троцке при смене элит. Когда врачи старого закала и выучки (многие придворные) были вынуждены бежать из города и России с частями Белой армии или еще как-то, а на их смену (т.е. опустошенное историей место) пришли другие, в том числе и папины родители.

Папа и его мама в ВОВ

Да, вот еще рассказ об А.П. Резниковой из более позднего времени. Мама вспомнила, что, когда папа вместе со своей мамой и сестрами оказались во время войны в эвакуации в Башкирии, то Анна Павловна была там председателем мобилизационной комиссии. И что? Когда подошел папин возраст призыва, он был отправлен собственной матерью в пехоту. Тогда-то ему и пришлось хлебнуть лиха в учебке в степях Башкирии – самый экстремальный опыт в его жизни, судя по рассказам. Почтище войны (тому, как я понимаю, несколько причин. Первая – голодно, на войне все же было хорошее снабжение. Вторая – вот таких полуголодных, их заставляли совершать марши в десятки километров с полной выкладкой в жару по пустынной местности. Наконец, грубые нравы и антисемитизм, которого в действующей армии, особенно под конец войны, было на порядок меньше).

Потом, правда, их полк переквалифицировали в десантный, и он даже совершил штук пять прыжков с парашюта, что тоже было экстримом, хотя и другого рода. Но прыгать с парашюта на немцев ему все же, к счастью, не довелось – потери в этих частях были такие большие (расстреливали в воздухе), что к 1945 г. от использования десантников в больших масштабах отказались. Так что воевать папе пришлось в той же пехоте.

29 февр. 2024; 05.06.2024

В продолжение предыдущего

Я, конечно, ломлюсь в открытую дверь, говоря о том, что ВОВ была для оказавшихся на ней, особенно в 18-19 лет, как мой папа, страшнейшим стрессом. Это хорошо известно (достаточно вспомнить «Балладу о расстрелянном сердце» Николая Панченко). Но одно дело, когда знаешь это в общих чертах или на чужих судьбах, и совсем другое, когда проживаешь это вместе с родным ушедшим человеком. Вот, я гляжу на папину фотографию, сделанную в победном 1945-м, и вижу юношу, прошедшего через самое страшное в своей жизни. И никакого катарсиса от победы не испытывающего. Вся тяжесть войны еще в этих глазах. При том, что на фронте папа оказался только в конце 1944, начале 1945, по причине его возраста, он 1925 г.р.), т.е. эта была уже победная, далеко не самая тяжелая фаза войны.

Папа – советский человек, и мое грехопадение

После поступления в Политех всех зачисленных на первый курс отправили на месяц в совхоз на сельхозработы. Здесь произошло мое грехопадение, т.е. выпадение из монолитной (как казалось) общности советского народа. Но сначала не о себе, а о папе. После его смерти, разбирая старые фотографии, мы обнаружили случайно одну, где он запечатлен на овощебазе, в ватнике, среди больших ящиков с капустой.

Так вот. Папа на этой фотографии (ему на вид лет 35-40) выглядит совершенно счастливым – улыбается такой светлой улыбкой, что в голову не придет, что вообще-то любой нормальный человек на его месте – квалифицированный инженер, занимающийся нужной для государства работой, оказавшись на фактически каторжной,

низкоквалифицированной работе, – должен, казалось бы, не весело улыбаться, а насупившись размышлять, как из этой ситуации выйти, или хотя бы на лице выказать возмущение, гнев или горький сарказм по поводу своего положения. Но нет, на его лице кроткая и светлая улыбка. И ведь подобная практика – отправка студентов первых курсов и инженеров в колхозы и овощебазы – была в СССР не каким-то единичным событием, а происходила регулярно, из года в год... Почему же у меня в аналогичной ситуации возникла совсем другая реакция, приведшая в конечном счете в стан «отколовшихся» (назовем его пока так), а папа, вот, стоит среди ящиков с капустой и улыбается, и никаким «отколовшимся» тогда не был – ни по своим мыслям и словам, ни по своим действиям? Что же, он себя меньше уважал, чем я, был таким наивным и кротким советским человеком с фактически рабским сознанием – куда пошлют, то и хорошо, лишь бы кормили, поили и не наказывали?

Думаю, чтоб понять его, хоть немного, нужно вспомнить его жизнь. У нас, вот, сейчас военные действия где-то там, достаточно далеко, и то они уже постоянно тем или иным способом дают о себе знать, фактически вгоняют нас в стресс. А папа видел войну вблизи, был на ней: в эвакуации был полуголодной в башкирских степях в учебке, которая, как он рассказывал, была страшнее и потяжелее войны, и потом на войне, и ранен был, в госпитале лежал среди кровищи и калек, получил обморожение конечностей, уже вернувшись в СССР зимой 45-46 гг.... При том, что он ведь застал и довольно счастливое предвоенное детство – в Гатчине. Будучи сыном уважаемых в городе врачей, он наверняка жил достаточно благополучно, с двумя сестрами, мамой, папой, бабушкой... А потом война. Тяжелые послевоенные годы. Это же было страшнейшим стрессом. По сравнению с этим 60-70 гг., когда сделана эта фотография, были годами счастливой жизни, и такая мелочь, как пару дней, пусть даже неделю, на овощебазе (это студентов посылали чуть не на месяц, а инженеров все же поменьше, как я помню), не вызывала, думаю, у него ни малейшего протеста, воспринималась в порядке вещей – нужно помогать стране и тут, есть-то все хотят... Более того, скорее всего для папы это было сменой рода деятельности – поводом размяться, пообщаться со своими сослуживцами в неформальной обстановке. Одним словом, это вряд ли воспринималось им хоть в малейшей степени как тяжелый, унижительный и подневольный труд. Вот такие, очень разные могли быть реакции на одну и ту же примерно ситуацию.

Но вернемся ко мне. До совхоза я был не просто лояльным Софье Власьевне, но и активным комсомольцем. В семье у нас никаких ура-патриотических и прокоммунистических разговоров не вели, но и «голосов» не слушали, и никакой антисоветчиной не пахло. Папа и дедушка были ветеранами войны, а то, что СССР спас евреев от нацизма, вероятно при всяких раскладах делало моих родителей лояльными гражданами. Впрочем, в семье этого никто никогда не обсуждал. Мы просто были частью «советского народа» без всяких оговорок. Поэтому, когда мне, бывшему до этого старостой класса, предложили стать зам. секретаря комитета комсомола школы по идеологии, я, польщенный, согласился.

Вся идеологическая работа у нас сводилась к политинформациям раз в неделю; я следил за процессом, а порой и сам выступал в роли докладчика. Не помню, чтобы это носило характер «пятиминуток ненависти». Мне нравилось разбираться в международной политике, это было формой познания (все эти названия стран и политических деятелей), стимулированное тщеславием, что ты как сведущий рассказываешь обо всем этом остальным. Никакой ненависти к империализму мы не испытывали, а наш патриотизм был, скорее, спортивный – так «болеют за своих». Неловкость я испытывал лишь в освящении арабо-израильского конфликта, стараясь избегать этой темы. Не потому что был на стороне Израиля, но потому, что так ли сак ли это относилось к моей «тайне».

Итак, по окончании школы у меня ни в одном глазу не было ничего антисоветского.

Зато в совхозе в сердце мне заполз червяк (нужно вспомнить еще и то, что я впервые надолго был оторван от дома, от родителей, а в пионерские лагеря меня не отправляли после одного неудачного опыта в далеком детстве). Червь заполз мне в сердце через глаза, уши и желудок. Глаза видели бараки, уши слышали (не понимая еще, о чем, собственно, идет речь) песни Галича, которые тайком, но достаточно громко пели в соседнем закутке нашего колхозного барака выпускники мат. школ Питера. В этот «элитарный круг» державшихся особняком посвященных мне вход был заказан. Я попал в кружок попроще – выпускников одной мат. школы из Кишинева, почти все они оказались «маланцами» (так одесские и молдавские евреи называют евреев, так сказать, по крови). Здесь никакой особой антисоветчины не было. Но само его существование было чем-то если не запретным, то «неприличным». «Элитарный круг» манил неведомым знанием, «кишиневцы» воспитывали меня по-своему, колхозная баланда, плюс запрет выходить за пределы лагеря, подневольная работа в грязи – все это постепенно создавало во мне концентрированный раствор чего-то нового. Но нужен был еще центр кристаллизации. Им стал митинг протеста против переворота Пиночета и убийства Альенде (11 сентября 1973 г.), на который нас согнали после трудового дня. Мы уже было начали сушиться, мыться и приходить в себя, когда нас подняли как по тревоге и вывели под дождь, выстроив вдоль барачков. Импровизированный митинг начался с формальных и дежурных речей. Но потом из студенческих рядов начали выбегать энтузиасты. Я впервые попал на «пятиминутку ненависти», которая затянулась на целый час. Это уже не имело ничего общего с невинными политинформациями моего школьного детства. Народ разгорячался, некоторые из энтузиастов были то ли в подпитии (на этот раз почему-то не осуждавшемся начальством), то ли во хмелю от ненависти к врагу. Так что при том, что умом, да и сердцем я вроде бы оставался на стороне Альенде, но отвращение от самого этого «часа ненависти» на фоне всего, что накапливалось во мне в предыдущие дни в лагере, сделало свое дело – я начал «отламываться» от «советского народа». Мое падение завершилось, когда уже по возвращении в город комсомольское начальство стало допытываться, кто что пел и о чем говорил в колхозе. Т.е. нашлись стукачи на певших Галича. Меня, напомнив мне мое замсекретарство, видимо тоже надеялись залучить в эти славные ряды. Но я уже был в других рядах. Точнее, я уже в колхозе «засветился» своими контактами с неблагонадежными. Так что на это раз мне никакой комсомольской должности не предложили, и дальше я уже только продолжал скатываться по наклонной плоскости.

28 февраля 2024

К 5 марта

Никакими антисоветчиками или даже кухонными критиками советского режима ни мои родители, ни мамыны родители, бабушка Рая с дедом Натаном, не были. Дед Натан во время войны, в блокаду, будучи военным инженером, вступил в партию, и был вполне лояльным членом (хотя вряд ли фанатиком). Никаких поползновений услышать какую-то альтернативу советской идеологии в нашей семье не было. В то время как во многих «продвинутых» в политическом отношении семьях (неважно, какой ориентации) имелись приемники с короткими волнами, по которым можно было слушать (пусть и через глушилку) «вражеские голоса», у нас дома такого приемника не было. Только уже в институтское время, т.е. когда мне было 19 или даже 20 лет, такой приемник все же, наверное, не без моего настояния, завели, а до этого мы находились практически полностью в состоянии «облученности» советской пропагандой. Никаких разговоров, критических в отношении властей и коммунистической идеологии я дома в годы отрочества и юности не припомню. Это не значит, что родители были какими-то особыми приверженцами коммунистической идеологии – этого тоже в помине не было, но они были вполне лояльными советскими гражданами, что для папы, например, вполне гармонично сочеталось с его работой на советский ВПК (дедушка Натан и вовсе служил в

штабе Ленинградского военного округа, что был на Дворцовой площади). Т.е. они, прошедшие войну, жившие в этой стране вполне счастливой по тогдашним меркам жизнью, не имевшие и не искавшие альтернативной информации, вполне органично работали там, где работали, не кривя душой. Более того, как мне рассказала совсем недавно моя мама, сама сославшись на папину сестру тетю Лену (ее рассказ) – когда умер Сталин, папа, как и многие тогда, был настолько потрясен этой смертью, что купил билет и ринулся в Москву, чтобы участвовать в похоронах Сталина. К счастью, он не попал на само это действо (на нем в давке погибло немало людей), но сам факт такой поездки произвел на меня впечатление. Конечно, никаким сталинистом в 60-70-е годы папа уже не был (после XX съезда партии это было уже очень маргинально), но, повторяю, семья наша была вполне лояльной, приёмников с альтернативной информацией не заводила (отчасти и из-за страха доноса, мы же жили в коммуналке). При этом политических разговоров в семье я тоже особо не припомню. Я бы сказал, что это была обычная в целом аполитичная, но вполне советская семья.

На этом фоне, когда в 10-м классе мне, бывшему до этого старостой нашего класса, предложили войти в комитет комсомола школы и стать заместителем секретаря по идеологической работе, для меня согласиться было тоже вполне органично. Не то чтоб я был таким уж идейным комсомольцем и любителем комсомольской работы, но предложение льстило моему самолюбию и не противоречило убеждениям. К тому же главной моей обязанностью было проведение политинформаций и наблюдение за этим процессом в школе. А мне нравилось разбираться в международной политике. У нас была очень хорошая учительница истории, и она всячески поощряла мои увлечения не только историей прошлого, но и текущей... Сама она была вполне идейной теткой (ее звали Капитолина Васильевна), но очень квалифицированной и знающей. Вот под ее руководством я всем этим занимался. Родители, когда узнали, что мне сделали это предложение, помнится, несколько опешили. Одно дело староста класса, а другое идеологический работник... Помню, что мама как-то туманно выразилась в том смысле, что лучше б я в это не совался. Папа же, кажется, промолчал, но он явно предпочел бы, чтобы я пошел в радиокружок, куда он безуспешно пытался меня записать – для профориентации. Факт тот, что в комсомольскую работу я со всей энергией включился.

Продолжение темы

Итак, следует отдавать себе отчет, что в результате Революции и Гражданской войны были не только миллионы пострадавших – убитых и замученных, лишенных имущества и вынужденных бежать за границу. Были и выгодоприобретатели всего происшедшего, и правда состоит в том, что до определенного времени евреи в массе своей были среди них. Т.е. в то самое время, когда была в немалой степени опустошена русская деревня, когда целые классы – дворянство, буржуазия, зажиточное крестьянство и духовенство – были замучены или изгнаны, евреи, жившие прежде по большей части за чертой оседлости, т.е. не имевшие право селиться (кроме самых богатых) в таких городах, как Петербург, получили равные права со всеми остальными. И наша семья (мои бабушки и дедушки со всеми их семьями в том числе) оказались в Ленинграде в результате этих процессов. Более того, именно сталинский СССР, как ни крути, защитил евреев, живших здесь, от истребления немецкими нацистами. И хотя после затеянного тем же Сталиным «дела врачей» и истребления еврейского антифашистского комитета как «сионистского образования» положение евреев в СССР стало несколько хуже, но, во-первых, Сталин вскоре умер, а во-вторых, все же уже совершившаяся ассимиляция евреев, занятие ими пустующих (после исхода и истребления дворян, буржуазии и духовенства) мест в русской культуре и жизни оказалось необратимым.

Чего говорить, если лучший учебник русского языка, по которому все учились в СССР, был написан Розенталем, главным диктором на радио был Юрий Левитан, а

ведущие физики были почти все поголовно (кроме разве Капицы и Сахарова) евреями по происхождению и т.д. Такова правда. А узнать, какой ценой это было все достигнуто, сколько крови пролито, я, не имея альтернативных источников информации, до поры до времени просто не мог. Поэтому ничего удивительного, что и папа не был антисоветчиком, и я – до того, как узнал страшную правду, прочтя «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, и много чего еще. У нас в школе среди моих одноклассников в помине не было никакой антисоветчины, даже у ребят из вполне интеллигентных семей. В некоторых других школах, как я потом узнал, было по-другому. В частности, выпускники лучших математических школ, с которыми я встретился потом в институте, были куда более просвещены в плане политическом. Но это за счет того, что там были более свободомыслящие учителя, да и родители таких детей зачастую были не простыми инженерами, как мои, а научными работниками, кандидатами наук. Это была иная страта советского общества, и в смысле доступа к информации, и в смысле степени осознанности, в том числе исторической. Соответственно и дети таких родителей были куда более начитанными и информированными (а некоторые, не боясь, слушали «голоса»). У нас же в школе, хотя учителя были и очень хорошие в смысле любви к предмету и детям, но они были убежденными в правоте советского строя. Все это были люди, прошедшие войну, даже более того, героически ее прошедшие, люди самоотверженные и честные... Но при этом слепые на некоторые вещи в нашей истории и нашем настоящем... и передавшие эту слепоту нам. Вот такими же были и мои родители. Такая слепота позволяла им быть по-своему честными, как бы не врать... Но, конечно, эта слепота держалась не в последнюю очередь и на страхе.

Дедушка Натан одно время в поздние сталинские годы был даже на несколько лет сослан (из-за самострела одного солдата в его части). Сослан военным инженером куда-то в глушь в Карелии. Это не было лагерем, но все же он был оторван от семьи, и это тяжело пережили в семье. С тех пор страх и осторожность, возможно излишняя, невидимо присутствовали в жизни большой семьи. Нас с папой и мамой это касалось в меньшей степени, но вот то, что приёмник с «голосами» у нас очень долгое время не появлялся, отчасти было связано с этими страхами. Позднее мои дедушка с бабушкой получили отдельную квартиру, а дедушка ушел на пенсию, и ситуация стала постепенно меняться. Но инерция страха была, наверное, и у моих родителей. Так что тут сразу многое сплелось – советская власть в общем-то многое дала людям нашего происхождения, а с другой стороны – этот самый страх (у меня его не было, а у родителей был). Вот вам и причина моей лояльности в это время, которую как корова языком слизнула, когда я оказался в институте, совершенно в другой среде.

4 марта 2024

Папа в коммуналке

Мы жили долгое время большой семьей в одной коммунальной квартире – мамыны родители, дед Натан, баба Рая, мы с родителями и тетя Белла (мамина сестра) с мужем и их сыном Мариком. У нас на всех было две большие комнаты – 40 кв. м и 35 кв. м. Жили по адресу Фонтанка, 129 (кв. 17)... оттуда видно – напротив Троицкий собор (тогда склад или овощехранилище), наискосок – усадьба Державина, тогда никакого музея не было, была какая-то контора...

Командовала в семье по большей части бабушка Рая. Папа был на третьих ролях. Он и сам не особенно совался в то, что он называл (потом в разговоре со мной повзрослевшим) «женские дела». Т.е. меня маленького опекали все три женщины нашего семейства, пока Марик не родился (т.е. лет 5), а папа, бедный, был частенько предметом критики бабушки Раи, которая, когда чем-то была недовольна, что было часто, переходила на идиш, и отчитывала папу на идише, чтоб я не понимал суть дела. Папа идиш понимал, но сам говорить на нем не особо мог. Так что бабушка Рая пользовалась еще и языковым

господством над ним. А он смиренно помалкивал. Не помню, чтоб он особо когда с ней ругался в ответ.

Коммуналка наша была далеко не самая многосемейная из ленинградских – в разное время в ней жило, помимо нас, еще 5-6 семейств. Они могли состоять и вовсе из одного человека, могли из двух, а могли и из трех. Самое большое было наше, у нас было, включая маленького Марика (но они вскоре получили другое жилье), – 8 человек, а потом – 5. Часть большой коммунальной кухни была отгорожена. И там за довольно тонкой перегородкой ютилась семья из трех человек, такая пролетарская семья. Ее глава, дядя Коля, как я его звал, регулярно поддавал, а поддав, начинал страшно ревновать свою жену, не помню, как ее звали (кажется, Валя), к папе. Он запросто мог ворваться в нашу комнату в поисках своей «Вали». Надо сказать, что ни папа, ни эта Валя не давали ни малейшего повода для ревности, просто Коля был жутко закомплексованным, бил свою жену, а главное был алкашом. При этом он был здоровенным детиною, выше папы на голову и шире в плечах раза в полтора. Так вот, папа никогда не терял самообладание во всех этих скандалах. Вел себя с достоинством и давал всегда достойный отпор, хотя этот Коля грозил и его убить, и жену свою... Кончилось все тем, что жена от него ушла, и они с дочкой уехали куда-то жить отдельно. Любопытная деталь – мама с папой ходили к ней на новоселье, она приглашала. А с ее дочкой, Любой, мы зачастую, будучи маленькими совсем, гуляли вместе. Мы были примерно одного возраста. И когда дядя Абраша, родной брат бабушки Раи, который жил в соседнем доме и был уже на пенсии, брал меня гулять, то и эту Любу мы часто брали с собой, а ее мама брала вместе с Любой гулять меня. Такие вот были нравы тогда – люди разного происхождения, жившие в коммунальных квартирах, помогали друг другу, и – если не иметь в виду эксцессов, как этим Колей, то даже и были в вполне приветливых и дружелюбных отношениях.

Короче, хотя Коля этот порой искал свою жену под кроватью у папы с мамой, уверяя, что они ее там спрятали, папа достойно всегда выходил из этой ситуации. Но в милицию, сколько я помню, не обращался, хотя, может, и грозил ею. Он был неробкого десятка, и перед физической силой никогда не пасовал. До мордобоя не доходило. Но несколько раз чуть было не дошло. Когда Валя уехала с дочкой, вскоре куда-то делся и этот Коля, и перегородку на кухне снесли, их комнату «прирезали» к кухне, в квартире стало спокойней, а кухня просторней. Все вздохнули. Коля поддатый конечно и «ж...в» поминал, но после того как он съехал, эта тема у нас в коммуналке больше не всплывала. Помню, что папа столкнулся с кем-то на этот предмет недалеко от нашего дома – задирали, что ли, его кто, не помню уже деталей, но и тут он не спасовал. Сам никогда на рожон не лез, был очень спокойным всю жизнь, но при этом и достоинства никогда не терял.

По этой причине, кстати, он на старости лет не любил попадать в полагавшийся ему как инвалиду войны госпиталь ветеранов войны – лежавшие там, по его словам, об «ж...х» почесать язык были горазды. Ну вот, не любил попадать и... не попадал. Т.е. вообще как-то обходился без больниц. Когда он умер, и врач, составлявший протокол, попросил выписку из последнего пребывания в больнице, таковой не оказалось.

9 марта 2024

«Война» и борода

Единственным храмом, в котором мне пришлось регулярно бывать в молодости, была церковь Политехнического института, куда я поступил сразу после школы. Сейчас Покровская церковь сияет массивной позолоченной луковицей, а тогда здесь размещался зенитно-ракетный комплекс, а луковица храма была срезана Советами на суп.

Здание бывшей церкви примыкало к корпусу, где находилась (а может, и сейчас находится) военная кафедра. Сюда мы ходили на «войну».

Явственно помню, что обучение всем этим ракетно-зенитным премудростям происходило как бы во сне. Т.е. меня постоянно клонило в какой-то неодолимый сон,

особенно когда занятия проходили в здании бывшей церкви. При этом ни разу мне не приходило в голову, что наш комплекс стоит в храме – прямо в алтаре, и что это кошунство. Все такие понятия были вне моего, и моих товарищей по Политеху, сознания.

Не знал я тогда и о том, что самым своим появлением на свет я некоторым образом обязан чему-то в этом роде. Дело в том, что папа с мамой познакомились некогда в Туле, куда они оба попали по распределению после институтов (папа – ЛИАПа, а мама – ЛЭТИ) на одно и то же военное предприятие («ящик»). При этом папа был в Туле начальником радиолокационной станции. И потом он всю жизнь проработал на ВПК, занимаясь всякой аппаратурой для РЛС и подводных лодок. Подробностей я, кстати, не знал (папа соблюдал секретность!).

Как бы то ни было, мое ощущение от «войны» было как от чего-то предельно чуждого и враждебного, и это подливало масла в огонь моего юношеского «бунта».

С «войной» связаны и воспоминания о первом посильном сопротивлении «режиму». Сопротивлялись мы (таких набралось несколько человек) – ношением бороды. Борода не полагалась по уставу. Мы же запаслись справками от врачей, что нам из-за раздражения на коже нельзя бриться, и бедные наши майоры краснели от гнева, видя наши бородатые рожи, но с этим непристойным зрелищем ничего сделать не могли.

Следующее, связанной с «войной», воспоминание касается военных сборов. На них нас отправили после четвертого курса. Именно там со всей остротой встал для меня еврейский вопрос, на этот раз как социальный. Возможность для этого создала структура подчинения, когда командирами (сержантами) над нами назначались ребята из наших же групп, из тех, кто уже служили в армии. Как правило, это были русские. Евреи, специально готовившиеся для поступления в институт, выпускники спецшкол, в армию до института обычно не попадали. Дело, однако, состояло в том, что «старики», послужившие в армии, как правило, плохо учились в институте и были, несмотря на свой возраст, позади «салаг», и в первую очередь обычно хорошо учившихся евреев. На сборах вся ситуация переменялась – старики были снова на коне. Можно было вполне законно отыграться за ощущение своей неполноценности, испытанное во время учебы. Слава Богу, все ограничилось «малой кровью» (парой драк с «дедами»), но противостояние было достаточно откровенным и острым. Причем обычное противостояние «стариков» и «салаг» превратилось в разделение по национальному признаку (этому, вероятно, способствовало и довольно большое число в наших группах, на престижных специальностях, евреев, хотя, разумеется, их было меньшинство).

Помню, как тогда впервые мои еврейские приятели заговорили достаточно решительно об отъезде; впоследствии они все и уехали, кроме меня.

Однако, был среди тех, кто неизменно продолжал с нами поддерживать дружеские отношения и в случае чего вступаться за слабых (он был крепкий парень) один не-еврей. Помню, я тогда случайно услышал разговор наших «врагов», относительно Коли: «Какие разные у евреев бывают фамилии...». Этим русским ребятами в голову не приходило, что с евреями, да еще в такой ситуации, может дружить свой, русский. Для нас же Колино поведение было подкупающим примером абсолютного благородства.

Анализируя случай на сборах, можно сказать, что большинство из ленинградских евреев вовсе не настаивало на своем еврействе, привыкло его если и не скрывать, то и не выпячивать. Все мы вполне удовлетворились бы космополитизмом. Евреями нас делало «враждебное окружение». Но если копнуть еще глубже, то именно наше родство – атмосфера в семье, установка на интеллектуальную доблесть, уверенное поступление в институт, а сначала в лучшие спец. школы (чтобы не попасть в армию, где «еврею – конец») выделяло нас по воспитанию по сравнению с нашими русскими товарищами. Именно эта, развитая у нас в семье установка, а не врожденные способности, выделяла нас по сравнению с ними.

Коля рос в семье, где установка на интеллектуальную доблесть, хотя и по другой причине, тоже имела место (он был из семьи ученых). С этой точки зрения он был «наш

человек». В его лице я впервые встретил настоящего русского интеллигента, и мы стали друзьями, так что не без его влияния я оказался вне еврейского коллективного сознания (или бессознательного?), замешанного на страхах перед «чужими», то есть русофобии, которой заразилось тогда на сборах большинство моих еврейских товарищей.

Закончу я этот этюд о «войне» еще одним воспоминанием. Когда-то, еще будучи студентом, я подрабатывал сторожем. Мой пост находился около здания «Водоканала». И вот, как-то утром, после работы, около 7 утра, пересекая пустую еще Потемкинскую улицу, я столкнулся с ротой голых по пояс, мокрых от пота, бегущих мне навстречу солдат (на самом деле это были, наверное, курсанты, но я в этом не разбирался). Я увернулся, перейдя перед самой «головой» роты на другую сторону. И оказалось так, что я пошел по тротуару им навстречу. Рота бежала мимо меня довольно долго, а в моем, полусонном еще после ночного дежурства сознании начало, а потом дома закончило складываться:

У бегущих солдат
Даже тело
Бегущих солдат –
Носом в мокрую спину
То и дело
Уткнешься,
Но в гуще солдат –
Не отстанешь,
Не выпадешь
Наполовину.
Топот тыщи –
Не ропот
Отдельных шагов –
Джаз советских проспектов.
Мало слышим
Из музыки обертонов
В узкой области спектра.
Не солжешь,
Как на них не смотри –
Птицей вывернешь око –
Все равно, что
Бежишь изнутри,
Если движешься сбоку.

Так что моя непригодность к «строевой» – это глубокий, можно сказать врожденный «комплекс». Да и бороду я с тех самых пор ношу. Папа, впрочем, к этому относился вполне снисходительно, а под конец жизни и сам отпустил бороду. Да и к войне, в том числе и той, на которой он воевал, стал относиться немного иначе. Последней книгой, которую он сам прочел примерно за год до смерти от начала до конца (потом он мог читать только отдельные рассказы, потом страницы, потом абзацы...), была книга Николая Никулина «Воспоминания о войне». Прочел и подтвердил. Да, это правда.

10 марта 2024

О генеалогии

В 2011 г. друг моей юности Володя Чикунский, ставший со временем профессиональным спецом по генеалогии, послал моим родителям в знак признательности за теплое отношение к нему с их стороны в 70-80 гг. в дар добытые из

РГИА (Рос. гос. истор. архив = Архив правительствующего синода) архивные выписки и копии документов на папиного папу (моего деда), настоящее имя которого я даже не знал – звали его не просто Бенцион (как я полагал), а Ихель-Бенцион Ицко(вич) Беневиц. Тогда я отнесся к этому, честно сказать, с полным равнодушием и даже какой-то недоуменной отчужденностью. Зачем все это?

Во мне прочно сидели установки как культурного, так и религиозного, точнее христианского толка. В культуре в меня заложил эту установку эмансипировавшийся от «родимого омута» 100 лет назад Мандельштам с его:

Я получил блаженное наследство –
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.

Из христианской традиции были установки на то, что «кто не оставит отца и мать», а уж тем более всякие там родословия... Сами знаете, Царствия Небесного не наследует. Как раз в это время я занимался Максимом Исповедником. Он же писал – как об образцовом святом о Мелхиседеке, который «без отца, без матери, без родословия», потому что родился свыше.

Одним словом, без всякого сочувствия и признательности воспринял я дар Володи – эту папку из РГИА. Дело № 39 на Беневица Ихеля-Бенциона. И обидел, конечно, Володю, о чем искренне сожалею.

После же смерти отца и собственных попыток что-то раскопать в прошлом семьи папка эта воспринимается совсем иначе.

Уже сам факт, что в памяти семьи не сохранилось даже настоящего имени деда, что мне никто об этом имени не рассказал, говорит о том, насколько эта память о прошлом семьи, думаю, не только нашей, была вытеснена и, так сказать, «репрессирована».

Есть, выходит, другая крайность по сравнению с погрязанием в родословиях и приверженностью плоти и крови – беспамятный манкуртизм, каковым в той или иной степени были поражены все советские люди.

Преодоление же этого беспамятства и является одним из способов для происходящих «оттуда» оставить «отца и мать», «плоть и кровь», не еврейскую, не русскую, а, так сказать, советскую.

Дед и царская армия (дополнение к сказанному)

Когда на одном из генеалогических сайтов мне раздобыли запись о деде Ихель-Бенционе в полковой книге учета (он в Первую мировую служил в 3-м сводном Кубанском (Ейском) казачьем полку, где был врачом), то я, признаться, был несколько обескуражен. Ну как же – во-первых, оказалось, что он был младшим врачом (это т.н. зауряд-врач, было такое звание, учрежденное в 1894 г.). Во-вторых, если сравнить запись о нем и запись о его сослуживце (и видимо начальнике) – полковом враче, лекаре Валентине Владимировиче Чернявском, то можно заметить колоссальную разницу. Тот, сын надворного советника, т.е. дворянин, православный, того же самого года рождения, что и дед, но про него все написано, и его вероисповедание, и его происхождение, и что он – выпускник медицинского факультета Харьковского университета. Ну, и далее, про жену и детей и про награды – аж два ордена св. Анны, а у деда – ни про его учебу в Лейпцигском университете, ни про его исповедание, ни тем паче про ордена... Вот, подумал, невольно я, – типичный пример государственного зажима евреев в Рос. империи.

Но потом я пригляделся более внимательно к документам, которые содержались в той папке дела Ихеля-Бенциона Беневица, что добыл Володя Чикунский из архива

правительствующего синода, и обнаружил следующее. Там в самом деле есть многостраничная выписка из Лейпцигского университета (запрошенная, кстати, военным министерством!) – какие предметы слушал, сколько часов, какие профессора преподавали. Есть отдельное свидетельство о сдаче экзаменов по базовым не собственно медицинским предметам: физики, химии, анатомии, ботаники, зоология, физиологии...

А вот документа об окончании университета, чего-то вроде диплома, я там не обнаружил. Это, кажется, и вполне согласуется с тем фактом, что учился Ихель-Бенцион в университете всего четыре года. И последняя запись о прослушанных курсах значится летом 1914 г., т.е. накануне начала Великой войны. Не знаю, сколько лет нужно было учиться для получения полного медицинского образования и диплома в Германии, но, полагаю, что 4-х лет было мало. Так что дед оказался зауряд-врачом (в них как раз и попадали по положению об этом чине лица с неполным медицинским образованием), думаю, не случайно и даже не из-за его иудейского исповедания, о котором в формуляре (дипломатично?) замолчано.

Что до непоминания его учебы в Лейпциге, то и тут могли быть иные причины, нежели зажим иудеев. Помимо неполноты этого образования, все же война шла с Германией, и учеба во вражеской стране могла на Ихель-Бенциона бросать тень... Наконец, по поводу орденов. Как я уже выше писал (запись 2015 г.) в семье сохранилось предание (папа рассказал со слов папиной тетки), что под самый конец войны дед был все же представлен к ордену (аж Владимир с бантами!). За героизм на фронте и спасение раненых. «Владимира», правда, дедова сестра, папина тетья в 30-е сдала в Торгсин, боясь такую вещь оставлять дома, да и деньги лишними не были. Таково семейное предание. Почему об этом не упомянуто в полковой книге учета, Бог весть. Может, не успели записать, может, папина тетья Фира эту историю сочинила, но уж больно она много подробностей содержит, которые нарочно не придумаешь... Трудно сказать...

Но вот еще что достойно упоминания на тему: дед Ихель-Бенцион и царская армия. Как явствует из документов, добытых Володи Чикунским, дед успел еще до Первой мировой послужить в царской армии с 2.09.1909 до какого-то числа 1910 г. (перед самым поступлением в Лейпцигский университет). Он был призван в армию (вопрос об отмене призыва для лиц иудейского исповедания как негодных солдат все время обсуждался, и Николай II был ярым сторонником этой отмены, но так и не решились на это, а потом началась Великая война, и было не до того). Так вот, видно из документа «Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности (21.09.1909)», дед-таки побыл некоторое время «ратником» (так это тогда называлось) «ополчения второго разряда». В этот второй разряд попадали лица не особо годные к строевой, но способные держать оружие в руках... (Зачисление в ополчение было, как я понимаю, чем-то вроде военных сборов в наше время, т.е. не полноценной службой в армии, но на случай войны, ополченец был обязан встать в строй.) К тому времени дед уже, как явствует из другого документа, сдал в качестве «постороннего лица» (т.е. учился экстерном) экзамены в Вознесенской гимназии Одесского учебного округа (это произошло летом 1908 г., ему было 20 лет), так что, исполнив воинскую повинность и имея гимназическое образование, аттестат о нем, он смог поехать учиться в Лейпциг, а поучившись, снова оказался в армии, на этот раз зауряд-врачом. Такая вырисовывается картина.

Что до неполного медицинского образования, то оно, очевидно, было восполнено жизнью – четырехлетней практикой на полях Первой мировой...

Березовка, или копая вглубь истории

Папин папа, т.е. мой дед Ихель-Бенцион (далее – Бенцион, как он сам себя позднее сократил для советского паспорта) родился и вырос, как я уже писал, в городке Березовка (ныне Украина) (75 км от Одессы и в 100 км от Николаева). Раскапывая историю семьи, я заинтересовался, что это было за место и что здесь происходило в последние годы перед

Первой мировой и далее во время революций и Гражданской войны. Ведь именно отсюда дед юношей был снаряжен учиться в Лейпциг, сюда (или куда-то поблизости в Херсонской губернии) вернулся после учебы, отсюда был призван на Первую мировую, сюда же вернулся, заболев по дороге тифом, в начале Гражданской войны. И здесь или поблизости (в Одессе, Елисаветграде?) оставался, судя по всему, в начале 20-х гг., пока, где-то в 1926-27 гг. они (уже после папиного рождения) не переехали в Троцк (Гатчину). Что за место такое, эта Березовка, и кем были родители моего деда? Подробностей обо всем этом папа, к сожалению, не рассказывал, или я не успел правильно расспросить. Но кое-что запомнить или узнать удалось.

Папа говорил, мол, его дед, то есть отец отца, служил управляющим в имении какого-то немца, по соседству с Березовкой. Так вот, именно там, как оказалось, было имение крупных и родовитых землевладельцев Раухов. Сомневаюсь, что так уж прямо этот мой прадед был управляющим в этом имении (слишком уж высокое положение), но что служил у этого «немца», похоже на то.

Последним владельцем этого имения (к тому времени это было 9000 десятин, ок. 9832 гектаров!) стал Георгий Оттонович Раух, генерал, отличившийся при командовании дивизией и при работе в штабе Северо-Западного фронта в боях Первой мировой войны в Восточной Пруссии, а затем представитель председателя совета министров Украины при гетмане Скоропадском, и возглавлял гетманскую администрацию в Одессе. Имение, вероятно, в том или ином виде продолжало свое существование вплоть до 1920 г. – отъезда его хозяина (видного участника Белого движения) в эмиграцию, в Стамбул в 1920 г.

Итак, если Раух-младший во времена Скоропадского возглавлял гетманскую администрацию в Одессе, а мой прадед Исаак (сам себя он называл Ицек, так в метриках у деда, но мы будем называть его Исааком), отец Бенциона, служил у него (якобы управляющим имения, но в этом я сомневаюсь), то кем бы он ни служил, такое высокое положение Рауха обеспечивало определенную защиту и покровительство тем, кто у него работал. Скоропадский (при нем, кстати, бывшие до этого погромы прекратились) был гетманом всея Украины с 29 апреля по 14 декабря 1918 года. Вероятно, именно в это время военный врач Бенцион Беневич, демобилизовавшись из 3-го Кубанского казачьего полка, где он служил в Первую мировую, вернулся к себе на родину, к папе и маме в родную Березовку. Было ему в это время уже 30 лет.

Известно, что по дороге он заболел тифом и привез его домой. От этого тифа умерла его мамочка (Туба, так она именуется в метриках, сокращение от Тайбл, на идиш вариант ивритского Товалэ: хорошая моя), а сам Бенцион, очень долго и тяжело проболев, в конечном счете выжил. Пережил эти времена и его отец, Исаак, про которого известно, что он, вероятно вместе с сыном-врачом, в середине 20-х годов перебрался в Гатчину (Троцк), но работал в Ленинграде в какой-то артели, по крайней мере брал там работу. Как я уже писал, у него была машинка для изготовления наконечников для шнурков, и этим он зарабатывал себе на пропитание в период НЭПа (артель базировалась на углу Большой Подъяческой, 39 и Никольского переулка, 8, там и в моем детстве была обувная фабрика). Он был человеком верующим, иудеем, и посещал молельню, которая была напротив артели, на углу Большой Подъяческой, 36 и Фонтанки, 131 (точнее, в доме по Фонтанке, 131, доме купцов Марголиных), это все было задолго до того, как в соседнем доме, по адресу Фонтанка, 129 поселилась семья, в которой, в конечном счете, родился и вырос я.

Вот, из-за того, что мой прадед был на старости лет изготовителем наконечников для шнурков, я и сомневаюсь, что он был до революции и при Скоропадском прямо так управляющим имения Раухов. Ведь такая должность предполагала и знания и умения, которые потом позволили бы заниматься чем-то более квалифицированным, чем изготовление наконечников для шнурков (если, конечно, он просто не маскировался). Как бы то ни было, у Раухов он скорее всего в самом деле служил. И возможно, это было одной из причин, почему его сын, Бенцион, сумел получить среднее образование,

достаточное для поступления в один из лучших в Германии Лейпцигский университет. Где-то же он должен был выучить для этого немецкий, латынь и много чего другого... (В Березовке, которая в 1906 г. уже стала городом, кстати, было два городских училища, но вряд ли в них давали достаточное образование для поступления в университет в Германии...). А судя по тому, что в 1908 г. Бенцион сдавал в качестве «постороннего лица» экзамены в Вознесенской гимназии Одесского учебного округа, т.е. сдавал за гимназический курс экстерном (вполне прилично, кстати, сдал – сохранилось свидетельство об оценках), то учился он не в какой-либо гимназии, а экстерном. Были, вероятно, учителя по отдельным предметам, хотя многое, возможно, освоил и сам.

Но вернемся к истории Березовки. Что это было за место, и какие события там происходили во время жизни моего деда Бенциона, который родился в 1888 г.? Известно, что евреи появились в Березовке либо в конце XVIII, либо в начале XIX в., и их сосуществование с местным православным населением было более или менее мирным до погрома 1881 г. (еще до рождения дедушки), который получил в еврейской историографии на иврите название «суфот ба-негев» (הסופות בגבעה) – «бури на юге». При этом на Березовку пришелся один из самых известных в той местности погромов. 26–27 апреля 1881 г. практически все еврейские дома (кроме синагоги и аптеки), всего 161 дом (это около 20 процентов от всех домов в городке), в Березовке были разгромлены. Был нанесен огромный материальный ущерб, но человеческих жертв все же, похоже, не было, и евреи, отстроившись, как жили, так и остались жить в Березовке. Наверняка память об этих событиях сохранилась, и в детстве Бенцион слышал эту историю.

А вот следующий погром, в 1905 г., он наверняка уже застал и хоть как-то, да запомнил, ему было уже 7 лет. Вот что об этом известно. «Население Березовки было крайне встревожено слухами о тотальном уничтожении евреев. Одна из потасовок между торговками на рынке переросла в драку. Толпа тут же кинулась к еврейским ларькам, уничтожая все на своем пути. Раздавались призывы “убить евреев, убивших нашего царя”. Многие здания были подожжены. Лишь когда прибыла казачья сотня (думаю, это обобщенное именование казаков, а не указание на их число. – Г.Б.), им удалось взять ситуацию под контроль. В результате погрома было разрушено 159 домов, 17 ларьков и 11 подвалов. Ущерб составил 450 тысяч рублей» (все сведения из еврейских источников, так что могут быть неточности в сторону завышения). Про человеческие жертвы опять сведений нет.

Примечательна в этой истории роль казаков, особенно имея в виду, что позднее Бенциону придется служить в Кубанском казачьем полку военным врачом (напомню, что это была такая политика властей: определять врачей из евреев в казачьи полки, где эти потенциально революционные элементы не могли бы вести агитации). Как бы то ни было, вот с таким «погромным» опытом в прошлом Бенцион дожил до времени русской смуты. Тем не менее к революционному движению он не примкнул, Лениным, хотя и слышал его в Германии, не очаровался, к большевикам не подался, но, конечно, и в Гражданской войне воевать на стороне белых, куда отправился во главе со своими командирами его 3-й Кубанский казачий полк, ему тоже было не с руки, что и почувствовал его друг, начштаба полка, демобилизовав его, после чего он и отправился в Березовку.

А что же было в Березовке в течение Гражданской войны? Через Березовку проходили петлюровские войска, а также анархистка Маруся Никифорова и ее люди. В течение трех месяцев через Березовку проходили французские, греческие и сербские отряды. В районе Березовки была организована банда Милеля и рыскали войска Шаки, в которые входили также немцы из колоний, отличавшиеся своей жестокостью. На расстоянии 15 верст от города действовал Козаков со своей бандой и устраивал известные погромы Бабалаев. Партизаны-крестьяне дважды захватывали город, и в нем останавливались также деникинские войска.

Так что Бенцион, который, судя по всему, все это время оставался в Березовке, приходя в себя после перенесенного тифа, если не навиделся, то уж точно наслышался

всяких ужасов про происходящее, но как-то все это пережил. Как и его отец, Исаак. После всего сказанного не удивительно, что когда в начале 1920 г. через Березовку к Одессе проходила конница Котовского (красные) (до недавнего времени показывали дом, где размещался его штаб), Бенцион, будучи привлечен Котовским, узнавшим, что в городе есть хороший врач, не стал отказываться участвовать в создании нового госпиталя. Говорят, даже был награжден Котовским именной шашкой за спасение его раненых кавалеристов (но это, возможно, семейная легенда). Между тем хозяин имения Раухов, участник Белого движения Георгий Оттонович Раух, вероятный благодетель семьи Беневичей, в том же 1920 г. эвакуировался из Одессы на пароходе «Габсбург» в Стамбул и уже не вернулся на родину.

Миграция литваков и русофобия

Рассказав о папиных предках, было бы несправедливо не рассказать и о маминых. Тут все проще и менее романтично. Более или менее обычные литваки, т.е. выходцы из еврейской черты оседлости, из той местности, которая сейчас входит отчасти в Беларусь, отчасти в Псковскую область, называвшейся на идиш «Райсн» (т.е. Белоруссия). Рассказ о них упрощается двумя обстоятельствами. Во-первых, живыми свидетельствами, во-вторых, интереснейшими лекциями об этой «стране» и выходцах оттуда этнографа и специалиста по иудаике Валерия Дымшица, доступными в Сети. Мои предки, их история, как и история их переселения в Петроград-Ленинград, прекрасно подтверждает эти лекции со своими, впрочем, нюансами.

Как и прежде, я обращаюсь к прошлому не из праздного любопытства, и не как историк, но чтобы хотя бы что-то понять и в своей собственной истории, и в преломленной в жизни нашей семьи истории России.

Мамины родители – бабушка Рая и дедушка Натан, особенно бабушка, имели на меня (довольно поздно начал это понимать) немалое и достаточно противоречивое влияние. Ведь долгое время мы и жили вместе на Фонтанке, и даже после того как они около 1964 г. переселились на 2-й Мушинский (Шверника) проспект, я очень часто бывал у них, поскольку атмосфера отдельной квартиры (пусть и однокомнатной, с махонькой кухней) мне нравилась куда больше, чем в нашей коммуналке, а и учился я потом недалеко, в Политехе. Я уж не говорю о бабушкиной стряпне, которая всегда была вкуснее маминой (у нее, особенно на пенсии, и времени было куда больше, и традиции еврейской кухни, впрочем, я редко вспоминал, что она была еврейской, просто особенной, нетривиальной, хранила именно она).

Итак, бабушка и дед были литваками. Дедушка, Богорад Натан Наумович (1904 г.р.) приехал в Питер учиться во второй половине 20-х годов из Витебска, где жил, говорят, на одной улице и чуть ли не в соседних домах с Марком Шагалом, которого, по воспоминаниям, приличные люди тогда называли: «шлимазл». Дедушкин отец, Богорад Нохим (Наум) Залманович, 1869 г.р. занимался одним распространенным у практичных евреев той местности (так об этом говорит в лекциях В. Дымшиц) делом, которое в удостоверении, выданном ему в союзе рабочих деревообделочников, значится как «лесное дело». Надо сказать, что и отец бабушки Раи, Мендель (в просторечье Михаил), родом из Невеля, тоже был связан с лесом (так и подмывает, памятую, что по-гречески, материя «гюле» (ϋλη), означает «строительный лес», добавить «интеллигентское» – оба были людьми «материи»). Только если Нохим занимался деревообделкой, то Мендель, кажется, заготовкой и поставкой леса. Оба были не бедными, хотя и не то чтоб особо богатыми людьми, но свои дома (а значит и право голоса в общине) у них были. У дедушки была замечательная старшая сестра, Элла (Элька?), которая первая в семье кончила в Витебске гимназию и переехала в Питер, поступив в 1922 г. в Педагогический институт им. Герцена, стала учительницей (очень хорошей, как я помню) русского и литературы. На

каком-то курсе была чистка, и ее хотели отчислить из-за того, что она училась в гимназии. Но ее спас профессор Десницкий. Он сказал: «Еврейской девочке так тяжело было поступить в гимназию, а вы хотите ее за это отчислить».

Ее брат, Натан (получив в Витебске среднее техническое образование поработав техником на местной льнянопрядильной фабрике «Двина»), вскоре вслед за ней переселился в Питер и поступил в Политех, где позднее, с дедушкиной подачи, учился и я. Обычная история литваков (по В. Дымшицу, составивших до 70 процентов питерских евреев), массово перебивавшихся из бывшей черты оседлости в открытые после революции для жизни евреев города бывшей Российской империи. Особенностью этой семьи, однако, было то, что первый из них – двоюродный брат отца дедушки Натана (и его потомки) – поселился в Петербурге еще до революции. Он был ювелиром и достаточно обеспеченным человеком. У них на тот момент была большая квартира на Херсонской ул. (нынче Херсонская, 1, Бакунина, 7) в большом красивом доме в стиле модерн на четвертом этаже (под ними жила художница, одна из жен А. Толстого, Софья Исааковна Дымшиц-Толстая). Когда после революции начались уплотнения, хозяин квартиры Богорадов отделил парадные комнаты, сделал перепланировку, и получилась отдельная квартира для своих. Он пригласил дедушкину сестру Элли, которая кончала Педагогический институт, поселиться на Херсонской, сюда же перебрался и поступивший в Политех мой дедушка Натан. Здесь он (с перерывом на службу в армии) и жил до своей женитьбы на бабушке Рае. Вполне благополучная и достаточно безболезненная (если не считать родственного уплотнения) история бенефициаров большевистской революции.

Надо сказать, что эти, жившие на Херсонской, Богорады дали стране немало замечательных людей. Самый выдающийся из них троюродный брат моей мамы Григорий Ильич Богорад был человеком героическим, он сражался на Невском пятачке и чудом уцелел. На ютубе есть его подробный рассказ о блокаде и войне (он дожил до 95 лет и сохранил не только ясный ум, но и мощный, почти левитановский голос, с которым пробовался – прослушивал сам Левитан – даже на диктора). После же войны он стал замечательным отоларингологом. Моя мама призналась, что в юности была несколько увлечена им, да и она ему была симпатична, но им сказали – ведь и остальные члены этой семьи были почти все врачами – что близкородственные браки нежелательны, так что мамина судьба пошла в сторону моего папы...

Теперь о родне моей бабушки Раи (Рахиль-Марии Менделевны Шустерович из Усвят, 1908 г.р.) и об их переселении в Питер. До сих пор я думал, что там была тоже вполне благополучная и безболезненная история, что постепенно один брат бабушки Раи за другим (всего их было четверо, но один был младше нее), поступали в те или иные вузы Петрограда-Ленинграда и пускали корни на новом месте, а в конце концов и сама Рая вместе с родителями, Михаилом (Менделем) Шустеровичем и Софьей (Ревеккой), и младшим братом переехала в Питер, и в конце концов все воссоединились. Но вот тут моя мама вдруг вспомнила – бабушка Соня ей говорила, что они бежали в Питер от погромов. Я вначале не поверил, какие такие погромы в начале 20-х. годов в местах, не столь далеких от центра и нынче входящих в Псковскую область (а тогда – в Витебскую губернию)? Но, поискав в Сети, без особого труда нашел сообщение об этих событиях, аж в 1922 г. Строго говоря, речь здесь не о погромах, но о «бандитизме», который выглядит не иначе как еще один эпизод в не окончившейся Гражданской войне. Приведу здесь, к примеру, отрывок из «Ходатайства уполномоченного от еврейского населения м. Усвят Витебской губ. С.Г. Оршанского в губернский отдел по делам национальностей об охране эвакуирующихся от бандитизма евреев. 20 июня 1922 г.»:

«1. Самый бандитизм не есть пришлый и чуждый местному крестьянскому населению элемент. Среди бандитов, возможно, имеется группа в 5–10 чел. организаторов, хотя тоже сомнительно, чтобы они не вышли из местных крестьян, но главным образом, бандиты – это крестьянские партии, всегда готовые к услугам

руководителей. Это, между прочим, не соображения, а факты, так как уличенная и арестованная уже часть бандитов – исключительно крестьяне.

Обычно после своих убийств они расходятся и скрываются в своих домах, семьях и т.д. Наиболее в этом отношении прославились деревни Шершни, Иванцы, Прогды и Шмуры Усвятской вол.; например, убийство военного комиссара Шепило совершилось так: он проезжал, а из крестьянского дома выбежал бандит и застрелил его.

В этой же д. Иванцах бывали и такие случаи: деревенские бабы зазывают проезжих и прохожих евреев, умышленно заводят с ними беседу, а затем, отъехав несколько шагов за деревню, совершается нападение бандитов на этих же евреев.

Таких примеров масса, нельзя всего изложить в заявлении, опытный и честный специальный по сему делу деятель, бесспорно, служил бы богатым материалом, исследовав на месте в деталях то, чего я касаюсь лишь частично и поверхностно.

Вот почему мы полагаем, что главное свое внимание в борьбе с бандитизмом нужно сосредоточить на деревнях.

2. Еврейское население из м. Усвят бежит, т.е. выселяется в другие города, оставляя свое имущество на произвол судьбы, так как из-за тех же бандитов они открыто выехать не могут. Поэтому мы Вас покорнейше просим ходатайствовать перед Витебским губисполкомом о предоставлении выселяющимся военной охраны по дорогам: Велиж–Невель и Усвят–Сураж.

3. Затем, мы просим распоряжения о снятии урожая в фольв[арке] “Пустошь”, где был коллектив убитых евреев землепашцев, в пользу семей. Меры просим принять срочные.

Уполномоченный С. Оршанский

С подлинным верно Х. Розенберг

Копия с копии верно: Секретарь Витгуботнаца (подпись)

ГАРФ. Ф. Р'6990. Оп. 1. Д. 6. Л. 27. Заверенная копия.»

Как вспоминает мама, ее бабушка Соня рассказывала ей, что ее мужу Михаилу реально угрожала физическая расправа, как и им всем, кто тогда из семьи оставался в Усвятах. Так что, видимо, они в потоке еврейских беженцев с тех мест (о которых красноречиво повествует приведенный выше документ) бежали, едва ли успев многое взять с собой из вещей, в Питер, где к тому времени уже зацепился кто-то из братьев бабушки Раи (самый талантливый из них в математике, Гриша (он потом погиб в блокаду), кажется, успел поступить к тому времени в университет).

Как бы то ни было, вот при таких драматических обстоятельствах вся семья Шустеровичей из Усвят и Невеля оказалась в Питере, где со временем поселилась на Петроградской стороне, на углу Широкой ул. (Ленина) и Малого пр. Эта история – важное, как мне кажется, дополнение к тому, о чем, говоря о причинах переселения евреев из Витебской губернии в Питер, рассказывал в своих лекциях Валерий Дымшиц. Он, впрочем, упоминает, что экономическое положение всего этого, не особо богатого и прежде (чай, не Черноземье) региона стало после революции хуже, чем было. Конечно, это сказалось не только на еврейском населении, но (может быть, и в большей степени) и на крестьянском, православном. К тому же последнее наверняка воспринимало большевистскую революцию во многом «жидовским делом». Так что то, что местным (уже защищаемым властями) еврейским населением воспринималось как «бандитизм», коренным православным населением почти наверняка воспринималось чем-то вроде сопротивления захватившим власть в стране евреям. Не говоря уже о возможности получить хоть какую-то материальную компенсацию за потерянное в ходе революции и Гражданской войны, да и просто прокормить семью.

Здесь не место анализировать все детали этого противостояния (наверное, об этом уже немало написано, а если нет, то это дело историков). Мое дело – изложить происшедшее максимально объективно. Как бы то ни было, история о бегстве из Усвят,

среди прочего, позволила мне несколько иначе взглянуть на то, что для меня было, признаться, одним из мучительных воспоминаний из моей юности и даже более зрелого возраста. Речь о бабушкиной (бабушки Раи) русофобии. Ничего «такого» в этой русофобии не было. Ну, отделяла они своих (которых называла «аидами», постоянно выясняя, аид ли тот или иной человек или нет) от чужих, которых именovala «гоями». Ну, относилась к «гоям» она, судя по всему, с опаской и подозрением, в том числе была против смешанных браков. На этом, сколько помню, дело и заканчивалось. Но в юности, да и позднее, все это казалось мне диким, тем более что ни от своих мамы и папы, да, кажется, и от дедушки Натана я ничего такого не слышал. Мама сейчас призналась, кстати, что в семье Богорадов, той, что жила на Херсонской, к браку дедушки Натана относились как к не слишком удачному. Теперь я догадываюсь, что и там бабушку Раю могли считать слишком местечковой по образу мысли и поведения. Те Богорады, уже давно жившие с Питере, были людьми несколько иной социальной страты (там были и выдающиеся музыканты, и филологи-востоковеды), более эмансипированного и европейского (потому туда органично влилась и кончившая в Витебске гимназию и учившаяся в «Герцена» Элла). У них у всех было высшее образование (а у кого-то потом «степень»), а бабушка Рая, хоть часто и работала на должностях, требующих высшего образования, но его так и не получила.

Все эти расклады понятны, как и моя реакция на бабушкину русофобию (тем более болезненная, что бабушку я конечно любил, как и она меня). Но теперь, в свете истории про погром в Усвятах (а мама, ссылаясь на свою бабушку Соню, утверждает, что та говорила и о каких-то других, бывших до этого погромах), по крайней мере понятно, на фоне каких травм детства и юности (а в 1922 г. бабушке Рае было 14 лет) в ней сформировалась эта русофобия. Надо сказать, что она тем более была дикой для меня, что это сегрегационное сознание не было, в отличие от того, что было у верующих иудеев, которые отделяли себя по вероисповедальному признаку, следуя букве Писания, ничем религиозно оправданным. Бабушка Рая, в отличие от своей мамы, Софьи-Реввеки, верующей иудейкой ни капли не была. Ее мама (она умерла за три дня до моего рождения) ходила регулярно в синагогу, а бабушка Рая, жена члена партии (дед вступил в партию во время блокады) иудейкой, да и просто верующей уже не была. От всего еврейства в ней сохранилась еврейская кулинария, знание идиша, на который она время от времени переходила, отчитывая моего папу или (реже) деда Натана, чтобы «ребенок», т.е. я, не понял, да вот это сознание особости евреев, ничем для меня тогдашнего не подкрепленного и не оправданного. Теперь-то я понимаю, что кроме религиозного оправдания чувство своей особости может подпитываться страхами, почти животными страхами в отношении «чужих». Далеко не всегда беспочвенными.

Как бы то ни было, приходится признаться, что именно от этого местечкового (но уже лишенного духовной составляющей местечковой жизни) сегрегационного сознания я в немалой степени потом и отталкивался, причем зачастую перегибая палку в другую сторону – утверждая ценность и автономность личности в противоположность роду, воспринимая его как нечто враждебное личности, требующее преодоления. Но это уже отдельная тема, для особого разговора.

Завершая же историю про переселение моих предков из страны «Райсн» в Питер, я должен упомянуть о том, как летом 1941 г., еще до начала войны, мама моего дедушки Натана и его сестры Эллы, Богорад Рахиль Натановна отправилась одна в Витебск навестить свой дом и немного отдохнуть от Ленинграда у себя на родине. Там ее застала война. Дедушка Натан в 1944 году (к тому времени уже офицер) отпросился из части, чтобы поискать мать или хоть сведения о ней в Витебске, но ничего не нашел. Скорее всего, она погибла вместе с другими, не успевшими эвакуироваться евреями Витебска.

Так что и переселение литваков в Питер, происходившее в 20-30-е годы прошлого века, чем бы оно ни было мотивировано, оглядываясь назад, спасло им жизнь.

Про бабушку Раю, Л.Я. Гинзбург и прочее, прочее...

Так случилось, что именно «местечковой» бабушке Рае я обязан одним из значимых событий в своей молодости – встрече с Л.Я. Гинзбург. Дело было в 1981 г., когда я, сбившись с проторенного пути своих родителей, уже бросил инженерную работу, проработал год на Севере учителем, а теперь вернулся и очередной раз стоял на перепутье. Тут-то бабушка, гуляя во дворе своего дома, на 2-м Муринском (Шверника), д. 8, корп. 1, и поделилась с одной из своих товарок по «кварталу еврейской бедноты», как те места называли в народе, тем что у нее такой вот непутевый внучек, который, кончив Политех, вместо того чтоб быть инженером, на худой конец учителем физики, занялся бог знает чем – то ли поэзией, то ли пишет о поэзии... Это блажь, наверное, но что с этим делать, непонятно... Тут-то эта самая бабушкина товарка ей и рассказала, что через остановку от этого места по 2-ому Муринскому (д. 27) живет ее знакомая, Лидия Гинзбург – известный литературовед, и нужно меня к ней направить, чтоб она дала профессиональную оценку того, что я делаю, и либо одобрила и поддержала, либо убедила меня бросить все это... Я, конечно, знал уже к тому времени, кто такая Лидия Гинзбург, и когда бабушка Рая предложила мне устроить встречу с ней, я с радостью, хоть и с некоторой оторопью, согласился.

Встреч, собственно, было две. Сначала я пришел к Л.Я. и оставил ей кое-какую свою писанину (очень незрелые заметки о теории творчества, «поэтике поэзиса», как я теперь это называю, у Мандельштама и Хлебникова), а через несколько дней пришел к ней, и мы немного поговорили. Никакого практического результата, на который рассчитывала моя практичная бабушка, из этой встречи не вышло. Ни профессиональной поддержки, ни ушата уничтожающей критики я не получил. Вместо этого Л.Я. сказала, что, хотя лично ей это не близко, но что-то в этом может быть и есть, и что самое важное мне сейчас найти единомышленников (в этом совете сказался опыт ее собственного становления, как я теперь понимаю). Так и получилось. Вскоре вместе с моим другом Аркадием Шуфриным при поддержке Виктора Кривулина и Кирилла Бутырина мы написали «Введение в поэзию Мандельштама», с чем и поступили в Клуб-81. Так что встреча с Л.Я. Гинзбург, организованная моей «местечковой» бабушкой, оказалась прелюдией ко всем этим событиям.

Но, если «отмотать» клубок воспоминаний на еще десяток с лишним лет, то можно вспомнить, что именно в этой однушке (тогда и слова-то такого не было) на 2-м Муринском, у бабушки и дедушки (а не где-то в другом месте, например, у нас дома в коммуналке), лет в 10-11 мне «приснилось» первое в моей жизни стихотворение (вполне гармоничное, в пушкинско-тютчевском духе). Бабушка с дедушкой, от которых я и строчки стихов за всю жизнь не слышал, тут совершенно ни при чем, если не считать той неги (тут уместно вспомнить это старинное слово), под покровом которой я оказывался в их доме.

Здесь же, в их доме (благочестивый читатель, пропусти это предложение!) мне, после чтения французского романа, в 17 лет мне «приснилась» и первая любовь... Нега – дело такое. Обоюдоострое.

Но я опять сместил фокус мемуаров на себя, а хотелось бы еще нечто важное вспомнить о бабушке. Как я понимаю, до смерти ее мамы Сони она сама во всем главном слушалась ее. Именно бабушка моей мамы, Соня, была хранительницей семьи (роль, которая после ее смерти перешла к бабушке Рае). Именно чутью моей прабабки Сони мы все обязаны своей жизнью. Ведь когда наступила война и встал вопрос об эвакуации, дед Натан убеждал, что ехать никуда не нужно, что немцы (даже если они займут Ленинград) культурная нация... И только «чуйка» бабушки Сони, которая, как я теперь понимаю, пережила ни один погром, сработала безотказно – надо собираться и срочно уезжать.

Но это уже другая история... об эвакуации в Киров (Вятку), где бабушка Рая с тремя (две дочери и одна племянница) малым детьми и престарелой матерью еще

умудрялась работать на тяжелой и ответственной работе – приеме составов приезжающих эвакуирующихся из Ленинграда голодных и изможденных людей... Завершить же этот краткий мемуар о бабушке Рае я позволю себе стишком-эпитафией, написанным после ее смерти.

Эпитафия

Дав привыкнуть к смерти
Своей,
Бабушка Рая
Умерла.
Бабушка
Рая...
Рахиль-Мария –
Такое имя
Дали ей
Её родители.
Впрочем,
Так её
Никто не звал,
Ни дома,
Ни на службе.
Имя это
Осталось скрытым
Как будто,
Неосуществленным...
Бабушки Раи
Больше нет
С нами...
Боже,
Упокой Рахиль-Марию
С её родными –
Отцом и матерью.
И даруй ее мужу –
Дедушке Натану
Покойному –
В раю их
Звать её
Рахиль-Марией,
А его ей –
Нафаном.

11 октября 1996

Обряд и ваза

По маминым воспоминаниям, одно из ее сильнейших потрясений после моего рождения было вызвано религиозным обрядом, совершенным надо мной по инициативе дедушки Бенциона у нас на дому, на Фонтанке. Мама была категорически против, папа скорей всего тоже, но не смел противоречить отцу. Остальные члены семьи (кроме, может, одного-двух, не самых близких) были совершенно не религиозны, но всем (речь,

разумеется, о мужчинах) пришлось собраться по зову деда Бенциона, человека религиозного, твердо решившего соблюсти завет отцов.

Надо сказать, что и своим появлением на свет я в немалой степени был обязан деду Бенциону. Не только и не столько как отцу моего отца, но и потому, что когда мама забеременела, ее мама, моя – в будущем – бабушка Рая заявила, что маме рожать нельзя, т.к. у нее больное сердце (последнее было сущей правдой – после перенесенной в детстве скарлатины мама постоянно имела проблемы с сердцем). Как бы то ни было, дед Бенцион твердо заявил, что об аборте и речи быть не может, что мама как миленькая будет рожать, ничего страшного не случится. И заявил он это с полной ответственностью, т.к. был заведующим гинекологическим, оно же родильное, отделением Гатчинской больницы с тридцатилетним опытом работы. Так вот я и родился.

Но вернемся к обряду. На него с трудом набрали нужное число евреев-мужчин (миньян). Мама уверяет, что нужно было 11 человек, но мне кажется, что и десяти было бы достаточно. Одним словом, пришлось мобилизовать всех, включая, конечно, и моего совершенно неверующего партийного деда по маме, майора инженерных войск Натана и прочих таких же, уже давно ставших советскими людьми дядь и дядей. Итак, я, как сейчас помню, орал во время обряда причисления меня к детям Авраама по плоти, благим матом. Мама же – в соседней комнате (у нас были две смежные) рыдала навзрыд – жалко ей было махонького сыночка, которого совершенно непонятно для чего мучат эти то ли 10, то ли 11 мужчин. «Вот уж не думал, что ты такая дура», – подбодрил ее, в целом любивший и уважавший ее дед Бенцион, вручив ей меня и велев дать ребенку грудь и не отходить от него целый день.

Завершить же это бытописание из жизни советских евреев в 1956 г., чтобы не ограничиться одним бытописанием, можно, вспомнив, что и почти через двадцать лет после происшедшего я понятия не имел о смысле совершенного надо мною, иначе как объяснить, что в возрасте юношеского протеста против окружающего совка, совпавшего с возрастом юношеского отчаяния (был у меня такой) у меня вырвались строчки: «серпом мне совершили обрезанье, / а молотом переломили круп»?

Не сказалось ли, кстати, на моих строчках про серп и молот, приведенных выше, то, что с самого раннего детства я помню хранившуюся в нашей семье старинную (времен Николая II) вазу, изготовленную на знаменитом Ломоносовском фарфоровом заводе, со сделанной поверх «белька» агитросписью – со звездой, серпом и молотом. Как мне сообщили специалисты, роспись по эскизам Чехонина сделана примерно в 1927 г.

В прошлом году, наверняка сильно ниже рыночной цены, я отдал ее в руки тех, кто ценит такие вещи больше меня. И не сожалею. Ваза досталась нашей семье даром – от (как я узнал не так давно) живших до нас в наших комнатах на Фонтанке неких Дубинкеро в 1937 г., когда из-за репрессий им пришлось спешно покинуть Питер. И хоть наша семья не была никак причастна к случившемуся с ними, но надеюсь, что, распрощавшись с этой вазой, удалось перевернуть и эту страницу истории.

19.06.2024

22.06.1941 и далее (мамины воспоминания)

Немного упреждая очередную годовщину, запишу, пока не забыл, мамин рассказ о том, что с ними было при объявлении войны и сразу после. Ничего особенного. Таких рассказов уже и написаны тысячи, и многие вещи повторяются. Но из уст своей мамы все значимо, хотя бы потому, что, сложись что-то иначе в этом рассказе, не было б, быть может, и его самого. Маме за два месяца до начала войны исполнилось десять. Лето 41-го, как все знают, было отменное. Отличные были, теплые погоды, и мамин папа (мой дед) Натан как-то пришел домой и объявил, что снял дачу в Сиверской. Туда они все и

отправились, ну, т.е. мама с маленькой сестрой Беллой, со своей мамой Раей и со своей бабушкой Софьей. Сколько времени они провели на даче до начала войны, мама уже не помнит. Дальше все как в кино – в летнюю дачную благодать, в воскресенье 22 июня приезжает мамин папа и объявляет, что началась война, и нужно ехать в Ленинград. Бабушка Софья сразу сказала, что это очень опасно, и много раз повторяла, что важно сохранить документы. Так маме запомнилось.

В Ленинграде дед вскоре пришел домой и сказал, что детей нужно срочно отправить в дом отдыха для детей с дедовской работы в Ленинградском военном округе в Малую Вишеру – туда брали детсадовцев и школьников младших классов. Мама и ее сестра подходили. Еще деду удалось туда пристроить трех своих племянников-племянниц (двух девочек и одного мальчика, все помладше мамы). Итого их было пятеро, мама была за старшую. Три недели они провели в Малой Вишере, опять же наслаждаясь прекрасным летним отдыхом. Садик был хороший, с ними много возились, играли и чему-то учили их воспитатели и вожатые. Война их пока не тревожила. Но у мамы – самой старшей и толковой – ушки были на макушке, и однажды она услышала спор взрослых, следует или нет предупреждать детей, что завтра-послезавтра всех их должны эвакуировать куда-то далеко от Ленинграда... Мама, конечно, заволновалась, а тут еще кое к кому из других детей начали приезжать родители и забирать их... А за нашими никто не приезжал. Мама хорошо помнит, как они шли по полю около дома, где жили, и она сорвала ромашку и стала гадать: приедет – не приедет за ними мама, приедет – не приедет... Нагадала, что приедет... Наутро забрали еще нескольких детей, а за ними все не приезжали... Но вот, наконец, сквозь сон рано утром она услышала из-за двери голос своей мамы и мамы одних из ее двоюродных... Так их в самый последний момент забрали и увезли в Ленинград. А в это время в противоположную сторону отходил состав с детьми дома отдыха, которых родители не сумели забрать. Состав направлялся в сторону Кирова (Вятки), но как они потом узнали, дошел до Котельнич, под Кировом, и там эвакуируемые остались. В момент, когда оба поезда уходили, немцы станцию начали бомбить; слава Богу, в состав с детьми и в мамин состав не попали, но взрывы бомб она впервые услышала.

Когда их привезли в Ленинград, на Фонтанку, 129, где жила наша семья, начались жаркие споры. Я их уже не раз упоминал, но не грех и повторить. Мамин папа, Натан (который из Витебска и с высшим образованием – Политех в Питере) утверждал, что если город немцы возьмут, ничего страшного не случится – немцы народ культурный, а бабушка Соня (мама Раи), простая, необразованная, но житейски мудрая, настаивала, что нужно уезжать. Слава Богу, победила она. Наконец, Натан добился разрешения для жены, тещи и двух детей на эвакуацию в Киров. По приезде туда Рая, работавшая в Питере бухгалтером в исполкоме, быстро устроилась там тоже в исполком, где выполняла работы не только бухгалтерские, но и всякие разные. В частности, она специально съездила в Котельнич – проверить, как живут ленинградские дети, вывезенные из того самого дома отдыха, где были и ее дети. Там она увидела печальную картину – голодные, завшивевшие дети... Наверное, сообщила об этом начальству, если тут можно было чем-то помочь. Но точно сказала своим детям – слава Богу, что мы успели вас забрать!

09.06.2024

Война и медицина

Недавно один гатчинский краевед опубликовал в ВК наградное представление на деда Бенциона – к ордену Красной Звезды. Там значится, что через его руки, начмеда эвакогоспиталя 260, – прошло более 2000 солдат и офицеров, которых он выходил. Его родная сестра, Маня (Мария Исааковна Биневич – она писала нашу фамилию через «и»), кстати, тоже была военным врачом, имела офицерское звание (капитана), была в блокаду в Ленинграде челюстным хирургом, и тоже многих спасла.

Второй дед, по матери, Натан, еще до войны был некоторое время главным механиком на заводе «Красногвардеец», специализацией которого было оборудование для военной медицины. Там много чего изобрел, если верить надписи на обратной стороне фотографии, подаренной ему сослуживцами в 1934 г. Потом он, правда, ушел в строительство военных аэродромов, но во время войны снова оказался связанным с медициной – был начальником всего хозяйства большого госпиталя в блокадном Ленинграде, а после войны – областного военного госпиталя 442, и тоже был представлен за свою службу к тому ж ордену, что и дед Бенцион (оба дослужились до майоров). Но самые тесные отношения с военной медициной случились у моего папы, раненого в Венгрии, под Балатоном. Медики долго не могли справиться с его ранением – осколками мины в ногу. Он мотался по госпиталям, и в конце концов оказался уже после войны в госпитале в Таллине. Там его тоже не могли вылечить, и он лежал и мучился, и маялся, т.к. отпускать домой его тоже не хотели, не знаю уж почему. Тогда, по рассказу моей мамы, туда отправилась его сестра, Лена. Ей было тогда где-то 21-22 года, а папе – 20. Ну вот, по дороге Лена охмурила морского офицера, и они вместе с этим офицером заявили в госпиталь, и с его помощью Лена вызволила папу из госпиталя и привезла она его в Гатчину, а там уж дед Бенцион сам долечил своего сына. Как-то так... Вся эта история омрачилась тем, что в это время уже смертельно заболела чахоткой младшая папина сестра Таня, за войну, будучи в Башкирии в эвакуации, видно, надорвалась. Так что победа, как и у всех почти в этой стране, оказалась не без тяжких потерь.

22.06.2024

Цыгане

В отдельную запись хотелось бы выделить сохранившееся в нашей семье преданье об особых отношениях деда Бенциона с цыганами. Дело в том, что Гатчинский район был излюбленным местом их проживания. Не знаю, к какому именно времени относится папин рассказ – довоенному или уже послевоенному, может, к тому и другому сразу, но по папиным словам, цыгане просили, чтобы роды у них принимал только доктор Бенцион Исаакович, и, не желая рожать в больнице, присылали за ним специальную подводу, которая и доставляла его в цыганский табор (в данном случае, вероятно, место кучного поселения цыган), а потом отвозила обратно. Причем дед никогда не отказывал им, хотя уже был маститым (а после войны уже и достаточно пожилым) заведующим родильным отделением местной больницы и, наверное, мог бы послать к ним и акушерку, и другого врача, помоложе. Как бы то ни было, никакой идиосинкразии у деда к цыганам не было, а возможно, было и особое отношение, по крайней мере после войны, когда уже было хорошо известно, что цыгане подверглись такого же рода геноциду, что и евреи.

В Гатчинском районе до сих пор ходит легенда об уничтожении немцами цыганского табора аж в 700 человек где-то недалеко от Гатчины, когда мужчин табора сначала заставили копать яму, а женщин петь и танцевать, а потом всех вместе расстреляли, да еще, чтоб наверняка, прошлись поверх тел танком... Так что в тех местах, мол, до сих пор слышно пение душ умученных цыган. В этой легенде, наверное, немало преувеличений (в частности, завышено число цыган), но точно известно об уничтожении около Гатчины табора человек в 25. Наверняка дед слышал и от самих цыган, и от других местных жителей рассказы подобного рода и не мог остаться равнодушен к ним. Как бы то ни было, принимать роды у цыган он точно всегда, как они просили, ездил. Табор (самый многочисленный) после войны находился совсем недалеко от Гатчины – в Мариенбурге, где и до сих пор проживает немалое число цыган (кто-то из них ведь родился с помощью деда), и где даже время от времени устраиваются этнографические выставки, посвященные цыганским обычаям и фольклору.

Я же пересекся с цыганами (точнее, с цыганкой) всего один раз, но запомнил на всю жизнь. Дело было весной 1980 г. (мне было уже 23). Я ходил по парку

Лесотехнической академии, недалеко от главного здания Геофизической обсерватории им. Воейкова в ожидании решения моей судьбы. Мне за особые «заслуги» в сфере политической могли дать увольнение (т.е. вольную, что было не так просто – 3 года изволь отработать по распределению, а прошел лишь один), а могли и не дать, а сделать какую-нить гадость. И вот я в ожидании решения тамошнего начальства ходил туда-сюда, в несколько взвинченном состоянии по парку. Тут-то на меня и вышла цыганка, для которой я оказался легкой добычей, т.е., несмотря на свою прижимистость, «позолотил ей ручку» довольно прилично, находясь в каком-то сомнамбулическом состоянии. А из всего предсказанного ею о моей будущей судьбе запомнил только про «казенное письмо», имеющее существенно изменить мою жизнь в ближайшее время, что мне, как только она с моими рубриками отчала, показалось полной ерундой...

Ну, какое еще там «казенное письмо»... Но нет же, через пару месяцев я и в самом деле получил такое письмо (по крайней мере так его можно трактовать, а все ведь дело в толкователе) – из Архангельского обл. роно с приглашением меня в качестве учителя на Север, в Мезенский район, в деревню, где я и провел ближайший учебный год. Цыганка так или иначе оказалась неузнанной тогда мною предвестницей этого перелома в моей жизни.

20.06.2024

Про потери

Однажды из-за меня задержался самолет. Мне было лет 12, и мы летели с мамой из Симферополя. Самолет делал по пути посадку в Киеве, там, в аэропорту, задержали наш вылет, и мама позволила мне отойти из зала ожидания в буфет. И вот я, отстояв очередь, спокойно жевал свой коржик в каком-то закутке, как вдруг услышал по громкоговорителю, что мама Гриши Беневица разыскивает своего сына и ждет его в самолете, и что самолет больше ждать не будет. Оказывается, давно объявили вылет, и мама, не найдя меня в аэропорту, приняла решение: она села в самолет с тем, чтобы задержать вылет, если понадобится, и в то же время надеясь объявить, что разыскивает меня. А если бы я не пришел, она бы, конечно, вышла и осталась искать меня в Киевском аэропорту. Тогда я даже не смог оценить ее сообразительность и решительность, ведь если б она промедлила, ища меня в аэропорту, самолет бы улетел. Сам бы я и сейчас такого не придумал. Одним словом, я вбежал в самолет, пассажиры которого уже всю негодовали, что рейс задерживается из-за какого-то мальчишки, вбежал и не нашел ничего лучше, как... предложить маме остаток коржика. Мама же молча стерпела, пока пассажиры дружно ругали ее (до того, как я прибежал), что отпустила ребенка одного ходить по аэропорту, а затем защищала уже меня, когда, увидев, что я не такой уж и маленький, они напустились на меня.

Через много лет, при совершенно других обстоятельствах этот эпизод попал в мой верлибр. Вместе другими вехами нашей семейной истории:

Имена

У врачей для *э т о г о* свой язык:

«Так мы потеряем ее влѣгкую»

Да, вот, можно потерять ключи, четки, очки,

А можно – говорят – и маму.

Мама, ты помнишь, я потерялся у тебя
в аэропорту,
сколько мне тогда было,
десять? двенадцать?

Пошел поест и прозевал посадку,
ты же села в самолет,
чтобы его задержать
или в последний момент выскочить,
а я в буфете услышал
по громкоговорителю свое имя...
и успел на задержанный тобою рейс.

И вот теперь я пытаюсь задержать твой уход,
кричу, шепчу тебе: мама, мама,
я не хочу терять тебя «влёгкую»,
я вообще не хочу терять тебя,
ведь мы же не вещи, чтобы теряться
друг у друга,
мы же не вещи
и не живая сила,
как говорят военные:
«потери в живой силе и технике»!

Если бы папа оказался не ранен,
а среди этих «потерь»
у венгерского Папы в 45-м,
вы бы не поженились в 55-м,
и меня бы не было на свете...

Ты слышишь, мама, я говорю о потерях:
человек не должен быть как вещь,
врачи и военные
внушают, если верить им на слово,
нам ложные представления.

Послушаем лучше других,
теперь не чуждых и тебе,
говорящих,
что если имена наши написаны на небесах,
в Книге Жизни,
смерти нас не одолеть,
не превратить в вещь,
которая может просто так
взять и потеряться.

3–5 января 2020 г.

Валентности судьбы

Чтение старых семейных писем лишний раз напоминает о том, что все могло пойти не так, как пошло в жизни моих предков, которые бы тогда и предками моими не стали. Например, сохранилось папино письмо от июня 1946 г. Он пишет родителям из армии (его еще не демобилизовали после войны), из Костромы (sic!), что замыслил, коль скоро его не отпускают из армии, пойти в военное училище, с тем чтоб в конечном счете стать военврачом. Т.е., очевидно, он подумывал о том, чтобы отчасти пойти по папиным стопам.

Ну вот, пошел бы он по этой стезе, никогда б с мамой не встретился, и меня б не было на свете. Забавно читать обо всем этом. Мы редко задумываемся, сколько должно было совпасть всяких обстоятельств для того, чтобы мы вообще появились на свет...

28.01.2025

Ради справедливости

У моей тети, Лены (папина родная сестра) был муж, которого я, честно говоря, не очень-то любил. Это был поздний брак, и в детстве я воспринимал тетю Лену как-то саму по себе, без всякого мужа. Других мужчин у нее не было. Это уже совсем недавно (от мамы пред ее смертью) я узнал, что в молодости у тети Лены была сильная любовь к одному морскому офицеру-фронтовику, но там что-то не срослось. А на моей памяти, до появления этого позднего мужа, никого не было, и тетя Лена посвящала себя целиком работе (она была прекрасным, любимым многими, невропатологом в Гатчине) и родным, в частности, мне, чем я и пользовался. И тут вдруг появился этот муж, Абрам Иосифович. Да какой-то еще совсем не молодой, хромящий и не слишком симпатичный... В общем, тетя Лена явно попыталась в последний момент (ей было где-то 38-39) вскочить в уходящий поезд семейной жизни. Даже ребеночка они родили, но поздний для них обоих ребенок оказался слабым и нежизнеспособным и прожил всего пару лет...

Мне было жалко тетю Лену, но помочь тут было ничем нельзя. А мужа ее, на котором теперь сосредоточились все ее заботы, я, соответственно, недолго любил... Хотя виду особенно не подавал. Просто почти перестал на долгое время у нее бывать, да и звонил редко. А потом этот Абрам Иосифович (далее А.И.) умер.

И вот только сейчас, получив по наследству семейный архив, я удосужился поинтересоваться, что за жизнь прожил Абрам Иосифович Дибер, и несколько устыдился. Что-то я, конечно, слышал краем уха и прежде, но не отдавал себе отчета. А в жизни А.И. было много примечательного, и очень жаль, что я не познакомился с ним поближе и не расспросил его.

Вот, например, родился он в 1912 г. в Российской империи, но в паспорте конечно значится место рождения: Украинская ССР, Сталинская обл., Славянский р-н, г. Славянск. Неслабое такое место, как ни посмотри.

Как и когда он оказался в Питере, не знаю, но известно, что еще перед войной было у него высшее образование (инженер-механик) и работал он инженером-конструктором. А дальше – сплошные загадки. Страшную зиму-весну 1941-1942 г. А.И. провел в блокадном Ленинграде. Работал он на заводе 371, так был зашифрован «Металлический завод». Вероятно, это давало бронь и спасало от голода. Но вот дальше, в мае 1942 г. он оказывается в действующей армии, причем в качестве простого красноармейца, хотя как человек с высшим техническим образованием, инженер-механик (и не ополченец, каковых в это время уже не было, только в 1941-м), он бы должен, по идее, оказаться офицером. Может, не прошел краткие офицерские курсы или наказали его за что-то, кто знает?..

Как бы то ни было, еще минимум год А.И. воевал как простой красноармеец (ему выдали пулемет), и только в 1944 г. он уже числится младшим лейтенантом и командиром взвода. Закончил войну А.И. 20 ноября 1944 г. после тяжелого ранения в ногу во время наступления на о. Эзель (п-в Сырве). А до этого еще два раза был ранен, но оставался в строю. За все это и за храбрость в бою был представлен к ордену Отечественной войны II степени, но и тут чья-то бдительная рука перечеркнула в представлении о награде этот орден – сочли, наверное, что многовато – и дали Красной Звезды. Во время войны подал заявление в партию...

После ВОВ опять работал на том же Металлическом заводе, и был там с некоторых пор совсем не рядовым инженером, а начальником отдела в КБ при этом заводе. Танки, надо полагать, сочинял или нечто в этом роде.

В общем, было о чем расспросить А.И., а я не удосужился. Уж больно чуждо мне было все это, связанное с ВПК и армией. Да и близки мы совсем не были – казалось, что А.И. «заедает век» моей дорогой тети. Отчасти так оно, наверное, и было. Но сейчас, узнав о его жизни чуть подробнее, взглянул на все это несколько иначе.

Да и хромотой меня теперь не удивить (знаю по опыту).

P.S. Вещь хорошо известная, но как-то лишний раз прочувствовал, что практически вся моя и моих нынешних близких родня (по крайней мере мужчины) работала на ВПК или были армейскими. Мой дедушка по материнской линии был военным инженером, мой папа работал на ВПК, моя мама косвенно тоже работала на ВПК (часть их проектов была военными, или двойного назначения), мой дядя, А.И., делал танки, мой второй дядя, Леня, муж маминой сестры, работал на Северном заводе (высший уровень секретности), отец моей жены (а до болезни и ее мать) — работали на ВПК, отец моего лучшего друга — известный конструктор танков.

Вся страна была военным лагерем, и лучшие мозги прямо или косвенно были втянуты в это, тратили на это всю свою жизнь (понятно, что в других местах и платили меньше, и работу найти было труднее). Сейчас двинулись в том же направлении, и не дай Бог, все это повторится снова...

Нет, я не против наличия ВПК как такового (без него не обойтись), но превращение страны в военный лагерь (ведь в СССР на ВПК прямо или косвенно работало около 50 процентов промышленности и лучшие мозги) это цивилизационный тупик.

08.05.2025